UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00107923 5

PG
3476
Z536
D4

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/diedpoma00zilo

Левъ Зиловъ.

356 97

ДѢДЪ.

ОПЕЧАТКИ:

	Напечатано:	*Надо:*
На титульной страницѣ	шумной вѣтеръ	шумный вѣтеръ.
стран. 21, строфа VIII, строка четвертая	тріолетъ,	тріолетъ.
страница 39, строфа VII, строка первая	въ черныхъ	въ бѣлыхъ
страница 46, строфа IV, строка 12	на радостнаго „да“, на сумрачнаго „нѣтъ!“	ни радостнаго „да“, ни сумрачнаго „нѣтъ“!
стран. 66, строфа XXIII, строка десятая	дивня	дивная
страница 104, строфа III, строка третья	Дождь, просочившійся на гулкій стулъ,	Дождь, просочившійся, на гулкій стулъ
стран. 119, строфа XXXI, строка двѣнадцатая	знакомы	знакомо
страница 121, строфа IV, строка десятая	И при смотрясь	И, присмотрясь,
На послѣдн. страницѣ: строка третья	Стихотвореніе	Стихотворенія
строка пятая	цѣна 1 р. 75 к.	Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА. 1912.

Левъ Зиловъ.

356 97

ДѢДЪ.

А шумной вѣтеръ вѣетъ ворохъ
Умершихъ въ золотѣ листовъ.

П. Сухотинъ.

МОСКВА. 1912.

LIBRARY
MAY 20 1976
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3476
Z536 D4

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Москва, Леонтьевскій пер., домъ 5.

Дѣдъ.

Посвящаю

Н. Б. Зиловой

Прологъ.

Надъ домомъ рѣетъ тлѣнье.
И. Бунинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Сидѣла, какъ всегда, въ гостиной, у рояля,
Разматывала шерсть и щурила зрачки...
И прибѣгалъ изъ дѣтской съ ревомъ Валя
И подставлялъ для поцѣлуевъ синяки;
Визжала въ комнатѣ у фрейлены машинка,
Наматывая нитки на челнокъ;
И теткина краснѣла пелеринка,
Свалившись съ кресла, сбитая въ комокъ...
А тетка въ кухнѣ, вытянувши шею,
Привычно пробирала Пелагею;—
И прыгали заглушенно слова,
И думалось, что тетушка права...

И думалось, что завтра—воскресенье...
Пріѣдетъ къ кофе старый ростовщикъ
И теткѣ привезетъ миндальное печенье,
И тетка скажетъ: „Вѣчный баловникъ!“
Прихлебывая кофе и макая
Табачные усы, разскажетъ про грабежъ
Средь бѣла дня; потомъ уйдетъ хромая
За теткой въ кабинетъ, и скучно разберешь
Знакомыя слова,—„бланкъ довѣритель“...
Надѣнетъ Костя съ кантиками китель,
Мелькнетъ, уѣдетъ... тетка спроситъ: „А?“
„Ты, Кадя, что?“—Какъ что?—„Уѣхалъ Костя?“—Да!—

III.

Тоска, тоска!... Что ей до этихъ буденъ,
До этихъ воскресеній? Все равно!
День на день также все похожъ и нуденъ,
Что было только что и что прошло давно!
Какъ эта шерсть! Все дѣло только въ краскѣ—
То синяя, то красная... Бѣжать!
Хоть чуточную каплю теплой ласки,
Хоть день прожить, а не года мечтать!
... Вернулась тетка, сѣла за вязанье
И жутко-жутко этихъ спицъ мельканье,
Какъ-будто сердце оплетутъ онѣ—
Больное сердце въ ранкахъ и въ огнѣ...

IV.

За чаемъ съ кэксами припоминали лѣто
И Федоръ Кузмича съ забавнымъ котелкомъ,
Который говорилъ, что рыжій котъ—примѣта:
Тому, къ кому придетъ, ужъ быть подъ башмакомъ.
Скребла по юбкѣ черненькая Капка
И подъ столомъ рыча хватала за башмакъ;
И тетка походя стирала зайчьей лапкой
Не вытертую пыль, просыпанный табакъ...
Потомъ въ гостиной поджидали Костю;
Играли съ Валькой въ рамсъ и собирались въ гости
Къ мадамъ Жиро на Патріаршій прудъ
И думали – почемъ извозчики возьмутъ.

V.

Смотрѣла Кадя на кудряшки тетки,
Искусно лысину закрывшія. Плела
Изъ скучныхъ мыслей кружева; какъ четки
Перебирала дни, въ которыхъ не жила...
Братъ Константинъ и Валька, такъ похожій
На мать свою, на братнину жену...
Братъ съ кѣмъ-то тамъ живетъ... А Вальку гложутъ
Двѣ эти—тетка съ нѣмкой—, вьютъ въ струну...
Его бъ лѣчить, его пихаютъ дрянью
Въ гимназіи да дома. Ни вниманья
Ни ласки нѣтъ. На верхъ къ ней прибѣжитъ,
Забьется на диванъ... „Уйду я“, говоритъ.

VI.

Уйти, уйти! и вотъ мечтаютъ оба.
Онъ вслухъ, а Кадя—Кадя про себя...
... Глядитъ опять на тетку, бьется злоба.
Да, Валька въ преріи! Въ какіе же края,
Къ какимъ морямъ направить парусъ бѣдный?
Гдѣ лотосы мои, гдѣ свѣтлый викингъ мой,
Вонзившій въ гребни волнъ свой стругъ побѣдный,
Со славой на щитѣ несущійся домой?
... Надоѣдалъ имъ рамсъ знакомый и сонливый;
Шла тетка проявлять для Кости негативы,
А Валька теръ глаза, сосалъ ландринъ
И спрашивалъ, что значитъ „серпантинъ"...

VII.

И фрейленъ Рике уходила рано.
Укладывала Вальку и, „adieu"
Сказавъ изъ коридора, два стакана
Несла къ себѣ—въ одномъ свое питье,
Въ другомъ о-дантифрисъ для полосканья...
И долго было слышно, какъ она
Возилась, полоскала зубы, и—зѣванье
Отъ предвкушенія дѣвическаго сна.
Потомъ въ кровати тестаментъ читала
И, заложивъ Andenken'омъ, мечтала
О Tante Augustchen, гдѣ въ праздникъ быть пришлось,
Гдѣ tüchtig war getanzt, гдѣ war famos.

VIII.

Потомъ—прощалась тетка Агриппина,
И надѣвала кружевной капотъ,
И доставала бромъ за банкою хинина,
И клала челюсть въ воду на комодъ...
Ходила долго. Раздвигая сторы,
Смотрѣла въ окна; отставляла стулъ;
Перебирала кофточки узоры,
Сосновою водою душила... Свѣтъ мигнулъ
Въ щеляхъ дверей—переносила свѣчку...
И надо лбомъ колечко за колечкомъ
Крутила долго папильоткой... Ротъ
Дрожа шепталъ про „бранныхъ воеводъ"...

IX.

А въ кухнѣ шепотомъ смѣялась Пелагея
Съ лѣнивымъ дворникомъ, подсолнухи грызя.
И съ городками изъ газетъ, желтѣя
Посудой, прусаками шелестя,
Висѣли сгорбленныя полки. Вяло
Захлебывались старые часы
Съ привѣшенной канфоркой; и устало
Глядѣлъ засиженный Линевичъ со стѣны.
Тянулись чистые половички къ кровати,
Къ подвальной западнѣ, къ ступенькамъ на полати.
И въ раковину капала вода
Съ короткой пѣсенкой, унылой, какъ всегда...

X.

Въ часъ, во второмъ звонился громко Костя,
Пугалась Пелагея, задремавъ...
И въ трости съ ящерицей изъ слоновой кости
Уже было что-то желчное, и правъ
Былъ узенькій портфель съ блестящей кнопкой,
Когда упалъ на ларь въ передней и сверкнулъ...
И Пелагея сразу стала робкой,
А Костя что-то буркнулъ, пальцемъ ткнулъ
И, вскорѣ, въ помочахъ изъ кабинета
Кричалъ онъ: „Умерли вы, что ли?“ И, раздѣта,
Простоволосая, пугалась тетка:—Что?
— Что? Что такой?—„Газету изъ пальто!“

XI.

Изъ дѣтской Валька, спрыгнувши съ кроватки,
Бѣжалъ на цыпочкахъ по коридору въ залъ
И тамъ въ стекло царапался... И пятки
Стучали позади... Онъ бился и кричалъ,
И, вырвавшись, хватался за гардины...
Потомъ несли его назадъ въ кровать,
И онъ стоналъ, весь странный и змѣиный,
И падалъ на кровать, уже не въ силахъ встать...
И спрашивала тетка, Пелагею
Позвавъ къ себѣ и щекоча подъ шею
Виляющую Капку: „Убѣжалъ?“
— Да, барыня!—„Заприте двери въ залъ!“ —

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

И только къ двумъ часамъ огонь тушили въ залѣ
И зажигали въ коридорѣ ночники,
И гулкую рояль устало запирали,
И замолкали мягкіе шаги...
Тогда—на мѣдный листъ изъ теплаго камина
Унылый дѣдъ въ шлафрокѣ вылѣзалъ
И отпиралъ буфетъ, и бралъ Бенедиктина;
Садился на диванъ съ ногами и вздыхалъ.
И изрѣдка, погладивъ подъ усами,
Справлялся онъ съ звонившими часами,
Чтобъ во́-время убрать Бенедиктинъ,
Закрыть буфетъ и влѣзть опять въ каминъ.

II.

И думалъ онъ о теткѣ, Валькѣ, Костѣ,
О тихой, грустной Кадѣ и бурчалъ:
„Такъ-съ, значитъ, проморгалъ свое Замостье!
Такой же хлюстъ, какъ и когда кончалъ!..
Живетъ съ какой-то феей, примостился
Въ чиновники особыхъ порученій... Что жъ—
Какъ Федя отъ растратъ не удавился!
Въ маманъ пошелъ, не очень-то проймешь...
Агриппочка—селедка, какъ и прежде!
Все такъ же красится и такъ же все въ надеждѣ,
Однако подцѣпила гемморой,
И теткой сдѣлалась такой, что ой-ой-ой!..

III.

Живи-бы я, такъ въ порошокъ растерла бъ
И, какъ жена, шипѣла бъ: „въ гробъ сведетъ—
Отъ курева схватилъ чахотку горла,
Теперь паралича отъ пьянства ждетъ!“
Дѣдъ замолчалъ и пересѣлъ уютнѣй:
„Однако, эта Капка—чортъ возьми—
Блохъ развела... мою, бывало, Лютню
Съ дивана-то кнутомъ мамзель Мими...
А эта, вшивка, дрыхнетъ на подушкѣ,
Носъ въ носъ съ хозяйкой, лапочки на брюшкѣ,
Не слышитъ, что я здѣсь, ей въ тонъ храпитъ
И отъ обжорства и отъ блохъ скулитъ...

IV.

Агриппочка! Одна изъ всѣхъ осталась,
И съ той-то взятки гладки... Дожилъ я!
Еще придется (вотъ ужъ не гадалось)
Пріискивать камины для себя...
Теперь вонъ входятъ въ моду спиртовые—
Изъ спирта въ спиртъ—еще одна печаль!
Какъ разъ задохнешься! Нѣтъ—времена былыя
И по людямъ и по каминамъ жаль!
Примнутъ тебя березой да осиной,
Успѣешь надышаться древесиной,
Да и огонь и дымъ сродни лѣсамъ,
Зеленые псалмы шумящимъ къ небесамъ".

V.

И, помолчавъ, заговорилъ онъ снова:
„А Кадя что? Сидитъ тамъ у себя...
Все не съ кѣмъ вымолвить живого слова
И пишетъ по ночамъ дневникъ, какъ я.
Эхъ, слопаютъ, родимая, ужъ знаю,
Кого тебѣ нащупалъ въ женихи
Шалдерникъ Константинъ. Да я не уныва́ю...
Чего мнѣ унывать? Грѣхи, грѣхи!
Пройди, голубушка, сперва огонь и воду
И трубы мѣдныя, а тамъ ищи ужъ броду,
Иль, какъ сестра Ариша, мышьякомъ
Травись себѣ... Кому печаль о томъ?

VI.

Нѣтъ, хорошо—спасибо преисподни!—
Такъ посидѣть... Уютъ—тянуть Бенедиктинъ,
Глядѣть знакомое и думать, какъ сегодня,
О томъ, о семъ, съ луною на одинъ.
Весь этотъ маринадъ еще пра-пра варили
И что жъ—довольствуются имъ и до сихъ поръ,
Пра-пра, тѣ все-же такъ иль этакъ жили,
А эти—тянутъ тухленькій растворъ.
На что имъ жизнь? Они не знаютъ жизни!
Водою мертвой спрыснуты... А брызни
Живой водой—какой переполохъ
У всѣхъ, во всемъ, у этихъ даже блохъ!

VII.

„И нужно ли? Разъ жизнь захочетъ—надо,
А не захочетъ—такъ тому и быть:
Для жизни—щебень, въ небесахъ—награда...
И мнѣ пора-бъ и плюнуть, и забыть.
Да старая привычка—лѣзть безъ толку,
Куда не слѣдъ! Вотъ въ чемъ печаль... Смотрю,
На лѣстницу забравшись, къ Кадѣ въ щелку—
Тоска гнететъ, тоска и злишься на зарю,
Которая опять въ каминъ загонитъ,
Опять покойника по чину похоронитъ,
И будутъ на спину валить тебѣ дрова,
И будетъ огненной сѣдая голова.

VIII.

„Ахъ, если бъ снова жить! не дѣдомъ быть, а Петей!
Я былъ вѣдь не дуренъ, я былъ краснорѣчивъ...
Графиней Ланговой я былъ замѣченъ въ свѣтѣ
И приглашенъ въ салонъ—и это вѣдь не миѳъ!..“
Дѣдъ замолчалъ и, видитъ, Лунный Мальчикъ
Вдругъ соскочилъ съ луча и подошелъ къ нему
И улыбается; грозитъ, согнувши пальчикъ,
И говоритъ, колебля полутьму:
—Ты хочешь жить, мертвецъ? Я—мертвыхъ оживитель,
Профессія недавняя... Родитель
Твой оживленъ былъ мной за радужную, но—
Онъ слова не сдержалъ и умеръ вновь давно...

IX.

— Теперь поручено мнѣ требовать залога...
Залогъ пустяшный — твой фамильный брилліантъ.
Онъ будетъ при тебѣ... не думай, ради Бога,
Что мы жулье, что я такой же франтъ,
Какъ внукъ твой, Константинъ! Останется съ тобою
Твой брилліантъ, но—заложить, продать
Его не сможешь ты. Онъ закрѣпленъ судьбою
Отнынѣ за бюро, которымъ воскрешать
Тебѣ подобныхъ посланъ я въ ущербы
Луны... Согласенъ? Въ день, какъ опушатся вербы,
Въ двѣнадцать дня начнешь ты жить такимъ,
Какъ ты хотѣлъ; ну—мнѣ пора къ другимъ...—

X.

Сказалъ—исчезъ. И дѣдъ вскочилъ въ волненьи,
По комнатамъ забѣгалъ межъ лучей
Томительной луны; перевернулъ въ смятеньи
Бенедиктинъ и—влѣзъ въ каминъ скорѣй.

. . . . . .

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

...А на верху сидитъ за лампой Кадя,
Склонясь мечтательно надъ чернымъ дневникомъ,
И, волосы распущенные гладя,
Чертитъ по скатерти обломаннымъ перомъ.
И смотрятъ на нее дѣвичьи бездѣлушки—
Нѣмецкій целлулойдъ, китайскія лягушки...
И тикаютъ на бронзовой змѣѣ
Часы, бѣгущіе къ положенной чертѣ.

II.

Ахъ, эти розовыя, съ клеверомъ, обои
И запахъ мыла фабрики Бодло,
И звуки тишины, и непокой покоя—
Отъ нихъ Спасителю въ кіотѣ тяжело.
...А въ дневникѣ стоитъ: „Одна—одна, какъ прежде,
Царевной въ теремѣ!.. И къ лику старыхъ дѣвъ
Причислюсь скоро, въ сладостной надеждѣ
Имѣть свой уголъ, юность претерпѣвъ.
И только бы не стать безличной компаньонкой
И няньчиться съ хозяйскою болонкой...
Нѣтъ, лучше бонной къ дѣтямъ!.. Вотъ мечты—
Мои мечты, ужъ и онѣ пусты!

III.

„Забыты и усы и эспаньолка,
И тихій баритонъ, и съ поволокой взглядъ...
Для глупыхъ вышивокъ тоскливая иголка,
И для мадамъ Жиро ненужный слой помадъ!

Вѣдь нѣтъ рѣшимости пойти за первымъ встрѣчнымъ,
А если бъ знали всѣ, что этимъ я горю,
Что вѣрю ласкамъ я минутнымъ, а не вѣчнымъ...
Ядъ близкихъ мукъ въ таинственномъ „люблю“!
Зачѣмъ такъ лживо все, какъ лживо это платье?
Зачѣмъ пожатье рукъ, гдѣ надобно объятье?
И въ правду ли нужнѣе жизни ложь?
И слово ласкъ нужнѣй, нужнѣе счастья ножъ?..

IV.

„Что жъ, ткани разорвать и выйти обнаженной,
Сказать—тебя хочу?.. Зачѣмъ же снова ложь?
Вѣдь только дневнику и въ часъ завороженный,
Въ ночной, безлюдный часъ ты правду отдаешь!
И если бъ дверь случайно отомкнулась
И чья-нибудь чужая голова,
Кивнувъ изъ щели, тихо улыбнулась—
Пусть даже зная все, чтобъ не было стыда—
Я бъ эту книжку въ ящикъ зашвырнула,
И ложь, вся ложь, ему въ глаза взглянула
И стала бъ говорить ненужныя слова
О томъ, что наскоро сложила голова“.

V.

И, перечтя ряды поспѣшныхъ строчекъ,
Раздѣлась Кадя тихо у стола;
На завтра вынула изъ вышитыхъ сорочекъ
Ту, что должна надѣть по правиламъ была.
Потомъ подставила къ постели стулъ и свѣчку
Зажгла на стулѣ; новый альманахъ
Взяла съ собой; легла, поправила колечко
И стала листовать въ прочитанныхъ мѣстахъ.
Потомъ калачикомъ свернулась, прочитала
Страницы двѣ; безъ книги полежала;
Взглянула раза два на дверь, на стулъ, въ окно
И, свѣчку потушивъ, заснула глубоко.

VI.

Но—долго послѣ въ полутьмѣ тоскливой
Катушку мышь катала по угламъ,
И шорохи маячили трусливо,
И смутный столъ луна дѣлила пополамъ...

И глупые часы звонили рабскимъ звономъ,
Раскладывая время по частямъ,
Какъ дѣдушка пасьянсъ; и гасли по иконамъ
Огни рѣзныхъ лампадъ, зажженныхъ всѣмъ страстямъ.
А въ вытяжку, забытую прислугой,
Весной тянуло, почками, дерюгой—
Сырой дерюгой, крытыхъ на ночь розъ—
И грохотъ поѣзда порывный вѣтеръ несъ.

Часть первая.

И я заснулъ; когда жъ проснулся чутко,
Дышали розами земля и неба кругъ.

Вл. Соловьевъ.

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ апрѣлѣ ночь—спокойный черный омутъ,
Съ огнями звѣздъ, струящихся ко дну...
Не вѣтеръ, а ладонь, ласкающая дрему;
Не шелестъ, а слова, зовущія ко сну.
И бьется сонъ, какъ бабочка, въ рѣсницахъ
И заволакиваетъ грезами глаза,
И снится о безшумныхъ, легкихъ птицахъ,
Летящихъ вдаль, гдѣ тишь и бирюза...
И грезятся трепещущія дали
И солнце въ водной розовой эмали;
И корабли проникновенныхъ сновъ
Скользятъ изъ заводи въ просторъ безъ береговъ.

II.

Въ апрѣлѣ утро—хороводъ зеленый
Наивныхъ дѣвушекъ, сквозящихся березъ;
И юноша, и томный, и влюбленный,—
Чуть-чуть безстыдный кленъ—струитъ дыханье грезъ
Изъ почекъ лопнувшихъ, тугихъ и нѣжно-клейкихъ...
А Бальдеръ-Солнце въ огненномъ плащѣ,
Віящемся въ назолоченныхъ змѣйкахъ,
Расплавленныхъ въ стремительномъ ручьѣ,—
Вновь молодъ, вновь крещенъ въ дымящейся купели,
Налитой всплесками бунтующей метели;
И сберегли стволы глухихъ елей
Изъ яркихъ смолъ его челу елей.

III.

Апрѣли дѣтства, вы перезабыты!
Лишь изрѣдка припомнится окно
Въ грустящій садъ, зачмокаютъ копыты,
Заржетъ Малышъ призывно и пьяно...
И непремѣнно кто-нибудь пріѣдетъ
Чужой, нечаянный издалека...
А няня ночью въ пологѣ забредитъ
И, странная въ лунѣ, спадетъ ея рука...
И я сниму съ кроватки оплетенье
И подбѣгу, въ окно смотрѣть луны свѣченье
На старой крышѣ погреба, и жуть
Не дастъ мнѣ долго въ эту ночь заснуть.

IV.

Переберу тихонько странныя игрушки,
Поглажу колесо машинки, убѣгу
Назадъ въ кровать и въ кувшинѣ и кружкѣ,
Стоящихъ на окнѣ, я лица разгляжу.
Потомъ затихну, задремлю, какъ въ сказкѣ,
И запоетъ въ ногахъ, разбуженъ, теплый котъ...
И не услышу тихій шелестъ ласки
Подъ пологомъ... Прозрачный хороводъ
Снѣгурочекъ, дюймовочекъ, царевенъ
И водяной, который вѣчно гнѣвенъ,
И вѣдьма добрая въ избушкѣ на юру—
Въ уютный сонъ вплетутъ свою игру.

V.

Апрѣли юности, васъ вспоминать такъ больно!
Ты, съ мутнымъ блескомъ лужъ, усталое шоссе,
Изъ далей аспидныхъ уныло и безвольно
Къ асфальтамъ города клубишься въ сѣрой мглѣ...
По выбоинамъ скользкимъ, подъ стенанье
Провисшихъ проволокъ, мучительно я шелъ,
Какъ нищій вымолить у камней состраданья
И ласки у трескучихъ „мѣдныхъ пчелъ“...
Подъ звонъ и грохотъ, подъ злораднымъ взглядомъ
Громадныхъ буквъ, съ афишей скачекъ рядомъ,
Сидѣлъ за столикомъ въ накуренныхъ пивныхъ,
Съ несчастнымъ блюдечкомъ сухариковъ ржаныхъ.

VI.

Сидѣлъ одинъ... Вокругъ меня пьянѣли,
Бутылокъ прибавлялось на столахъ,
И на прилавкѣ мѣдяки звенѣли...
Стояли кадки съ пальмами въ углахъ
И рыбки тыкались въ акваріяхъ на окнахъ...
На тротуарѣ за окномъ бѣжалъ
Къ пролеткамъ мальчикъ, сизый весь въ волокнахъ
Тумана, и подснѣжникъ предлагалъ...
И мальчикъ, и подснѣжники, и рыбки,
И пальмы были сказочны и зыбки,
И ты лишь, въ шапочкѣ барашковой, одна
Была такъ непреклонна и ясна.

VII.

Но темный срывъ уже забыли годы,
И *ты* со мной, какъ лучезарный шумъ,
Весенній шумъ. И оба, какъ свободы,
Мы ждемъ апрѣль. Онъ нашъ Капернаумъ!
Сломаютъ ледъ запѣненныя воды,
Навстрѣчу птицъ мы бросимся на югъ.
Кричатъ, звеня надъ Волгой, пароходы—
Апрѣль и Волга нашъ волшебный кругъ!
Къ зеленымъ Жигулямъ, къ пахучимъ соснамъ
Насъ увлекутъ ласкающія весны
Отъ чада города, отъ гнета скучныхъ золъ
Къ цѣлящимъ янтарямъ тягучихъ смолъ.

VIII.

Апрѣль, апрѣль! Надеждъ и сказокъ мѣсяцъ,
Съ пѣвучимъ именемъ! Предтеча душныхъ лѣтъ...
Когда на облакахъ гадаетъ мирный мѣсяцъ,
И звѣзды влажныя слагаютъ тріолетъ,
Осенняя листва, облипшая дорожки,
Въ холодный торфъ полупретворена—
Надъ ней пыльцей ужъ въ полдень вьются мошки,
Въ ней, можетъ быть, трава зарождена.
И на пескѣ слоистомъ, уплотненномъ
И мраморномъ—тамъ, у скамьи подъ кленомъ—
Такъ четки, такъ легки и молоды
Мои неспѣшные, широкіе слѣды.

IX.

Въ двѣнадцать дня, въ день вербъ, въ день грезъ о счастьѣ
Прорѣзалъ звонъ часовъ звонокъ входныхъ дверей.
За розовымъ стекломъ, изъ свѣтлаго ненастья
Смѣялась пара глазъ изъ-подъ кривыхъ бровей.
И юноша въ цилиндрѣ старомодномъ,
Въ крылаткѣ странной, съ узкимъ пухомъ щекъ,
Волнуясь ждалъ въ дверяхъ, кого угодно,
Но только не ея... Но услыхалъ Валекъ,
И, не найдя на кухнѣ Пелагеи
И потревожить фрейлену не смѣя,
Онъ крикнулъ Кадѣ, и къ ключу она
Склонилась, новымъ гостемъ смущена.

X.

И долго въ нерѣшимости стояли
Они другъ противъ друга. Надо лбомъ
У Кади волосы отъ воли трепетали;
Была она для вербы въ голубомъ.
Загнулись длинныя махровыя рѣсницы,
Наивны были сѣрые глаза,
И вся какой-то свѣтлой тихой птицы
Она подобьемъ радостнымъ была.
И первымъ возгласомъ ожившаго Рожнова
Вдругъ стало „здравствуйте"—простое слово,
Но въ маленькой мелодіи его
Сверкало новой жизни торжество.

XI.

„Моя фамилія такая же, какъ ваша.
И дѣда вашего я имя сохранилъ,
И хоть родство довольно смутно наше,
И мечъ вѣковъ нашъ узелъ разрубилъ—
Я къ вамъ вхожу троюрднымъ братомъ Петей,
И, можетъ быть, какъ я давно мечталъ,
И этотъ старый домъ меня привѣтитъ,
Какъ я его, мечтая, привѣчалъ!"
Онъ сжалъ ея протянутую руку,
Вошелъ, и по увѣренному стуку
Его калошъ, казалось, слышалъ полъ,
Что онъ сюда не первый разъ вошелъ.

XII.

А Кадя, окрестивъ его нахаломъ,
Скользнула платьемъ къ теткѣ въ кабинетъ...
И Петръ, уже смутившись, въ нишѣ зала,
Въ распахнутую дверь, увидѣлъ свой портретъ.
„Ну“, думалъ онъ: „полъ-горя Кадя, внучка;
А съ этой-то ужъ и не знаю, какъ!
Не цѣловать же въ самомъ дѣлѣ ручку?
И какъ бы съ мѣста не попасть въ просакъ“..
Но выплыла въ халатѣ Агриппина
Съ лежалымъ запахомъ духовъ и нафталина
И, протянувъ блестящую ладонь,
Сказала нѣжно: „Капочка, не тронь!“...

XIII.

„Какъ видите“, прибавила съ улыбкой:
„По родственному встрѣтить васъ спѣшу.
А, знаете, я васъ узнала бъ безъ ошибки—
У васъ съ моимъ отцомъ я сходство нахожу
До странности большое! Ну, смотрите:
Такой же носъ, такіе же глаза...
Не правда ль, Кадя? Сами поглядите!
Вотъ онъ, его портретъ! Ну, что? Я не права?..
Да что же... Раздѣвайтесь! Пелагея!...
Вотъ неожиданность... Чайку сейчасъ скорѣе,
Должно-быть перезябли налегкѣ?..
Кадюша, вотъ—ключи... Въ буфетѣ—ромъ, безе...“

XIV.

„Какъ васъ зовутъ? Петръ Николаичъ!? Чудо!
Какъ моего отца! Позвольте, кто же вы?
Какая же родня? Изъ Костромы? Откуда?
Изъ Новгорода? Ну, конечно,—съ Мсты!“
Петръ что-то отвѣчалъ, веселый отъ удачи—
Все вышло глаже, чѣмъ воображалъ;
За сахаръ Капка щуритъ глазъ свой рачій;
Отъ треволненія у „тетки“ задрожалъ
По чашкѣ чайникъ; Кадя тихо вертитъ
Кольцо на пальцѣ, узкимъ ногтемъ чертитъ
По скатерти, узоры обводя
И пристально за пальцами слѣдя.

XV.

Дубовый стулъ, который самъ онъ выжегъ;
На чашкѣ съ крышкой памятный драконъ;
Знакомый видъ безе, ванильныхъ пышекъ,
Погнутыхъ канделябръ и безъ крючковъ оконъ.
И даже на сквозномъ стеклянномъ циферблатѣ
Стѣнныхъ часовъ все тѣ же три часа...
И только нѣтъ его въ коричневомъ халатѣ,
И нѣтъ его жены съ ея: „Comme-ça!“
А тетка все разспрашивала Петю;
И вышло такъ, что онъ одинъ на свѣтѣ
Изъ всей семьи, дорогу пробивать
Придется самому—протекціи не ждать.

XVI.

Что кончилъ онъ филологомъ въ Варшавѣ,
И кончилъ только что, туманно впереди;
Объ нихъ узналъ во „Всей Москвѣ“ въ Виндавѣ,
Гдѣ у товарища гостилъ недѣли три...
Ну, словомъ, вралъ, чтобъ только отвязаться!
Но, оказалось, тетка приняла
Все къ сердцу, предложила оставаться
У нихъ, помочь... Вообще мила была.
И даже Петръ былъ удивленъ участьемъ
Къ своей судьбѣ, но вспомнилъ о пристрастьи
Ея быть патронессой—въ мать пошла—
И только думалъ: „надолго ль мила?“

XVII.

И только думалъ: для чего все это?
О, маринадъ! Его уже онъ забылъ,
И вотъ теперь, когда съ того онъ свѣта
Пришелъ, чтобъ жить, такъ чудно жить,—онъ всплылъ.
Петръ вздрогнулъ весь и весь насторожился;
Взглянулъ по-иначе вокругъ себя и вдругъ,
Вдругъ вспомнилъ, что онъ здѣсь когда-то спился,
Здѣсь, въ этомъ домѣ, вынесъ столько мукъ.
И неужель вся процедура снова?
За взглядъ одинъ, за поцѣлуй, за слово
Начнутъ попрежнему тягуче распинать
И тишина и съ пологомъ кровать?

XVIII.

Два первыхъ злыхъ часа, когда дышать училась
Вновь созданная грудь, когда его глаза
Такъ были отданы и солнцу, что змѣилось,
Крутясь пылинками, на скатери стола,
И этой маленькой причудливой головкѣ,
Давно любимой и когда звеня
Стучала кровь и—поднимались бровки,
И вѣрилось—хочу, и взглянешь на меня...
Вѣдь эти два часа обвиты паутиной,
И виснетъ пòдъ носомъ—Агриппки глазъ совиный:
Всю крошечную жизнь она подстерегла
И съ этой пышкой съ масломъ сожрала!

XIX.

„Гдѣ этотъ маленькій комочекъ свѣтлой пряжи,
Клубочекъ шерсти солнечной? Онъ былъ
Во мнѣ, когда подъ звонъ часовъ изъ вражей,
Унылый преисподни въ жизнь я всплылъ...
Гдѣ первый мой апрѣль, въ сѣняхъ меня заставшій
Передъ стеклянной дверью, лаской глазъ
Лазурной дѣвушки, какъ ангелъ открывавшей,
Казалось, двери въ рай, въ божественный экстазъ?..
Ахъ, два часа назадъ, въ апрѣлѣ
Такъ были огненны червонныя капели,
И крѣпкій воздухъ молодой земли
Былъ боленъ невоздержанной груди!“

XX.

И не замѣтилъ Петръ, отъ скучныхъ думъ нахмуренъ,
Что попривыкла дѣвушка къ нему.
Съ опущеннымъ лицомъ онъ былъ совсѣмъ недуренъ,
Такимъ несчастливымъ казался по всему.
Онъ не замѣтилъ, какъ неслышно Агриппина
Къ обѣду одѣваться уползла
И унесла противный запахъ нафталина;
Какъ Кадя осторожно подошла...
И только голосъ вдругъ услышалъ: „Не хотите ль“...
Онъ вскинулъ взглядъ — отпрянулъ бѣсъ-смутитель.
Опять зацвѣлъ апрѣль, оборвалась тоска...
...„Я вашу комнату вамъ покажу пока?“

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

По-новому все было въ антресоляхъ:
Прорубленная дверь, навѣшенный балконъ,
И кабинетъ Петра былъ въ новыхъ ро̀ляхъ—
Пріѣзжей комнатой, съ геранью у оконъ.
Теперь она ему предназначалась,
И много было радостнаго въ томъ,
Что проволока въ тополяхъ качалась
И новенькій трамвай катился подъ окномъ.
И долго простояли на балконѣ
Въ веселомъ щебетаніи и звонѣ
Весеннихъ птицъ, скользившихъ на лучахъ,
Какъ по тончайшей льдинкѣ на конькахъ.

II.

И не было созвучныхъ сочетаній
Въ томившихся, несказанныхъ словахъ,
И нужно было глазъ иносказаній
И нѣжныхъ притчей въ сомкнутыхъ губахъ;
И тепловатыя, обсохшія перила
Такъ были ласковы къ коснувшимся рукамъ...
Звенѣли въ желобахъ таинственныя пилы—
Не строили ли солнцу свѣтлый храмъ?
Не шли ли плотники въ серебряныхъ хитонахъ,
Съ сіяньемъ лицъ, лучами обрамленныхъ,
Пѣвучими стропилами туда,
Гдѣ неба тонкая, послѣдняя слюда.

III.

Хмельные дни, когда такъ близки дали,
Когда любить такъ радостно-легко,
Когда такъ искренни нажатые педали
У свѣтлыхъ дѣвушекъ, съ косой черезъ плечо.
Какъ радостно, что темныхъ словъ не нужно,
Что все поймутъ, что знаютъ все мечты;
И хаосъ ослѣпительный и вьюжный,
Въ которомъ „вы“ почти сложилось въ „ты“...
И ихъ обоихъ закружило въ хмелѣ...
Что было въ нихъ? Богъ вѣсть! Пролеты голубѣли...
Въ ушахъ звенѣла кровь, и темные зрачки
Вдругъ стали вдохновенно глубоки.

IV.

На Кадю отъ Петра повѣяло безумьемъ—
Онъ говорилъ: „Опять въ родныхъ мѣстахъ,
Овѣянныхъ моимъ томительнымъ раздумьемъ,
Лелѣянныхъ въ моихъ назойливыхъ мечтахъ.
Нѣтъ, стариковскихъ думъ они не претворили!
И этотъ новый, маленькій балконъ
Испепелилъ все, что въ годахъ изжили
И кропотливо склеили въ законъ.
Все опрокинуто!—И ты безсильна, ваза
На низенькомъ каминѣ, съ лентой фразы:
„Тебѣ—твоимъ", развитой орарем,—
Ты, презентованная бабушкѣ царемъ.

V.

„Безсильны вы, сафьянныя подушки
На плюшевой кушеткѣ, гдѣ, сквозясь
Какъ куклы, возсѣдали двѣ старушки,
А передъ ними ползалъ глупый князь!
Жизнь—одѣяло изъ лоскутьевъ—гдѣ ты?
Ты—душный тлѣнъ, и я тебя топчу!
Просвѣтовъ ждалъ, и вотъ—зажглись просвѣты,
И въ блескѣ ихъ тушу свою свѣчу.
Гдѣ твой трофей? Уютная могила,
Которая креста не сохранила,
Ни бугорка, ни даже мертвеца;
Да крашеный портретъ сѣдого старика?"

VI.

И тихой музыкой: „Петръ Николаичъ, что вы?"—
Жизнь, сказка-жизнь овѣяла Петра.
И онъ взглянулъ горящій, стройно-новый
Въ напуганные милые глаза;
Схватилъ въ ладони маленькія ручки
И къ нимъ прильнулъ, и сталъ ихъ цѣловать,
И сталъ разсказывать, и въ горькія колючки
Давно-прошедшаго, волнуясь ложь вплетать...
И Кадя слушала, не отрывая руки;
Въ глазахъ внимательныхъ блестѣла тихой муки
Влюбленно-ласковая ясная слеза,
Какъ подъ слѣпымъ дождемъ сверкаетъ бирюза

VII.

И говорила глухо: „Бѣдный, бѣдный“...
— Да нѣтъ же, все прошло! Я счастливъ, я богатъ,
Какъ падишахъ, какъ принцъ его наслѣдный...
Вѣдь все мое—и ты, и этотъ садъ,
И это солнце легкаго апрѣля,
И эти облака изъ золотой руды!
Все, все—всѣ эти клены, сосны, ели
И взмахи вѣтра, скомкавшаго льды!
Въ дарохранилищѣ, отъ прошлаго заклятомъ,
Окуренномъ сладчайшимъ ароматомъ,
Въ угарѣ пошлости—влюбленные, вдвоемъ—
Мы жизнь свою съ тобою пронесемъ.

VIII.

— Мы создадимъ ее съ тобою сами,
На подвигъ насъ благословилъ апрѣль,
И новыми горящими словами
Споетъ о насъ бродяга-менестрель...
...Жила-была на свѣтѣ королевна,
Жилъ-былъ на свѣтѣ бѣлокурый пажъ...
Окно раскрывъ, грустила королевна,
И подъ окномъ пѣлъ о любви ей пажъ.
Сіялъ апрѣль, и струнами-ручьями
Звенѣлъ псаломъ, забытый соловьями,
И свѣтлый шелкъ, прозрачный, какъ печаль,
Тянула къ нимъ мечтательная даль...

IX.

...Жила-была на свѣтѣ королевна,
Жилъ-былъ на свѣтѣ бѣлокурый пажъ...
Сошла къ нему, ласкаясь, королевна,
Повелъ ее къ далекой дали пажъ...
И сердце-поводырь вело ихъ по примѣтамъ
Развившей волосы сомнамбулы-весны;
Задернули лазурно-тонкимъ свѣтомъ
Ихъ тихіе вечеровые сны...
...Жила-была на свѣтѣ королевна...
...Жила-была на свѣтѣ королевна...
Жилъ-былъ на свѣтѣ бѣлокурый пажъ—
Жилъ-былъ на свѣтѣ бѣлокурый пажъ...

X.

У Кади въ комнатѣ смотрѣли по альбомамъ
Подругъ, двоюрдныхъ братьевъ и сестеръ...
На низенькомъ диванчикѣ, знакомомъ
Петру изъ прошлаго (какъ старенькій коверъ
Со львомъ и розами), сидѣли близко-рядомъ
И волосами путались, склонясь...
И часто долгимъ, спрашивавшимъ взглядомъ
Смотрѣли другъ на друга; и, боясь,
Чтобы глаза не подсмотрѣли, цѣловались,
Сложивъ рѣсницы; смутно улыбались...
И вдругъ—зрачки въ зрачки,—какъ молніей гроза,
Распахивались жуткіе глаза.

XI.

Покачиваясь мѣрно, плыли стѣны;
Въ цвѣты на окнахъ брызгала волна,
И пахло солью отъ шипящей пѣны,
И чудился размѣрный стукъ винта...
...Двойная сказка, съ яркими краями
Веселаго играющаго дня,
Переливалась чуткими струями
Дѣйствительность сжигавшаго огня:
Былъ снова рай, и въ немъ Адамъ и Ева,
Вкусившіе плодовъ отъ заклятого древа,
И—какъ шаги Творца—смутили ихъ...
Агриппины шаги на каблукахъ тугихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

„Ахъ, вы все здѣсь! А я васъ тамъ искала...
Готовъ обѣдъ. Не будемъ Кости ждать...
Заправиться бы Петѣ не мѣшало,
А Костя, какъ всегда, сумѣетъ опоздать.
Вы смотрите альбомы? Что же, нашли ли
Кого-нибудь изъ родственниковъ? Что?..
Вотъ эти, помнится мнѣ, въ Новгородѣ жили...
Да что вы? неужели никого?“
И съ теткой внизъ они спустились чинно...
Въ честь гостя былъ обѣдъ накрытъ въ гостиной
И Петръ не удержался—проглотилъ
Настойки и селедкой закусилъ.

II.

Обѣдали томительно и долго.
Молчала Кадя и крошила хлѣбъ,
И фрейлена, какъ воплощенье долга,
Застыла, бантомъ подвязавши крепъ...
Кто умеръ? Tante Augustchen, быть можетъ?
Не все ль равно?—Она скала скалой!
Пускай ей радостно, пусть горе сердце гложетъ—
Тамъ—ночью, въ комнатѣ—она сама съ собой!..
Разглядывалъ нахмурясь гостя Валька
И вдругъ спросилъ: „Какъ дѣлается калька?..“
А тетка, рукава откинувъ, по судку
Размазывала соусъ къ судаку.

III

Пріѣхалъ Костя... Холодно-корректенъ
Раскланялся съ Петромъ; спросилъ, гдѣ служитъ онъ;
Спросилъ, какой дипломъ, спросилъ о діалектѣ,
Которому тотъ лучше обученъ,—
Сказавъ, что знать языкъ теперь необходимо,
Что и дипломъ и хлопоты ничто,
Что всѣ мѣста пройдутъ подъ носомъ мимо,
Да и при всемъ найти ихъ нелегко.
И предложивъ любезно папиросу,
Прибавилъ: „Мы еще по этому вопросу
Поговоримъ, надѣюсь, вечеркомъ...
Вы вѣдь у насъ останетесь при томъ?“

IV.

Потомъ ушелъ онъ въ нѣдра кабинета,
Штиблеты снялъ, сложилъ на стулъ сюртукъ;
Накрылся одѣяломъ; изъ жилета
Досталъ часы, послушавъ мелкій стукъ,
И положилъ на тумбочку; расправилъ
Усы съ рыжинкою; послѣдній выпускъ взялъ
Никъ Картера изъ ящика; прибавилъ
Огня и на груди странички вмялъ...
А Петръ ушелъ гулять и надъ рѣкою
Ждалъ Кадю, сѣвъ на корточки; рукою,
Какъ въ дѣтствѣ, сдѣлалъ шлюзъ въ разсерженной водѣ,
Прислушиваясь къ струекъ воркотнѣ...

V.

„Давай корабликъ пустимъ! Есть бумага?“
И, губы озабоченно поджавъ,
Она сложила лодочку, для флага
Воткнувъ булавку, и, рукой прижавъ
Его пальто, склонилась надъ водою...
И побѣжалъ корабликъ накренясь..
„Смотри, вѣдь онъ поплылъ за нашею судьбою!“
— Нѣтъ, въ немъ отжитое отчалило смѣясь!—
И вспомнилось: „Гдѣ викингъ мой побѣдный?
„Къ какимъ морямъ направить парусъ бѣдный?..“
И, прислонясь щекой къ его щекѣ,
Она повѣрила несущейся рѣкѣ.

VI.

„Смотри, прибило къ берегу: Смотри же!“
И побѣжали оба, и опять,
Склоняя флагъ намокшій ниже, ниже,
Кружась корабликъ началъ уплывать.
И долго напряженные глядѣли,
Какъ онъ мелькалъ надъ выпуклой водой,
Какъ встрѣчнаго ручья вдругъ струйки налетѣли
И потопили бѣглою рукой....
Плескала лодка, судрожно качаясь,
И хлюпали мостки, и, почками касаясь
Настуженной, синѣющей воды,
Дрожали—съ сѣномъ на вѣтвяхъ—кусты...

VII.

Пришли домой по маленькой аллеѣ,
Въ одной крылаткѣ оба. Накренясь,
Серебряною ниткой голубѣя,
Луна означилась, изъ мутной мглы сквозясь.
Безшумныя уже летали мыши
Распластанными хлопьями... Рука
Въ рукѣ роднѣй, довѣрчивѣй и тише
Лежала; мысль была словамъ близка...
И говорилось медленно и глухо;
И, чуткое отъ близкой ночи, ухо
Слагало пропорхнувшія едва
Слова безъ фразъ, глубокія слова.

VIII.

И до утра на креслицѣ, съ крутыми
Фарфоровыми ножками, платка
Спустивъ концы, блѣднѣла восковыми
Неясными мерцаньями лица,
Обвитая тѣнями ночи, Кадя.
Недвижная лишь смутно, какъ во снѣ,
Рукой поправивъ юбку и погладя
И подбородокъ спрятавши въ платкѣ..
И сладкій бредъ ей навѣвали звѣзды;
И первыя, чуть видныя борозды
Вдругъ, углубивъ дѣвичью красоту,
Легли тихонько въ эту ночь на лбу.

IX.

И къ утру сны пришли и заласкали,
И новый день поцѣловалъ ее;
И губы медленно улыбки размыкали—
Вѣдь сны опять ей повторяли все...
И въ двери стукъ ее, какъ сказка, будитъ:
„Пора вставать!“ Знакомый и чужой
Веселый голосъ. Значитъ было, будетъ!
И плещется холодною водой—
И грудь горячая, и плечи—все облито,
Блеститъ на солнцѣ; волосы развиты...
И обжигающій одеколонъ тройной
Разлитъ на мраморѣ неловкою рукой.

X

И новыхъ, крѣпкихъ губъ такъ новы поцѣлуи;
И вспомнившійся запахъ сюртука
Такъ радостно щекочетъ и волнуетъ,
И прячетъ щеку узкая рука.
Ахъ, если бы манишка открывалась
Какъ маленькая дверь! Войти, свернуться тамъ
Клубочкомъ крохотнымъ!... Она смѣялась,
Разсказывала съ родинкой ушамъ
Про глупенькій придуманный клубочекъ
И вдругъ—доставъ изъ сумочки платочекъ—
Стирала что-то съ милаго лица
И говорила-говорила безъ конца.

XI.

Потомъ сбѣжала внизъ пить традиціонный кофей
Такъ были вкусны пышки и безе;
Такъ весело лучился свѣтлый профиль
Летящими волосками въ косѣ.
Блестѣли окна, самоваръ и чашки
И зайчикъ, съ канделябръ взбѣжавшій къ потолку,
И фрейленъ въ платьѣ цвѣта бѣлой кашки,
И Валька, по полу скользившій на бѣгу...
А тетка за ухо шутливо оттаскала,
Съ улыбкой – „Какъ не совѣстно!“ — сказала:
„Въ такое утро такъ безбожно спать!
Будить тебя я буду посылать“.

XII.

И послѣ кофея, когда она взбѣгала
Наверхъ, вдругъ охватило холодкомъ—
Окошко Пелагея выставляла,
Сбирала вату, чиркала ножомъ.
Облокотилась, задохнулась волей:
Звенѣлъ ручьевъ веселый водометъ
И сизый паръ дымился въ смутномъ полѣ,
И былъ игривъ и веселъ птичій летъ.
И вывѣска давно знакомой лавки,
И желтый новый мостикъ на канавкѣ,
Съ жестянкой керосина дворникъ Дронъ—
Все было—нѣжный, свѣтлый, звонкій сонъ!

XIII.

„Петръ Николаичъ! Гдѣ вы? Поскорѣе!
Здѣсь выставили первое окно,
А вы пропали!“ Паутины, рея,
Струились у стекла. У мухъ давно
По закоулкамъ шли переговоры—
Вотъ поползли сквозь сонъ, вотъ сорвалась
Одна и полетѣла. Бились сторы
Отъ ласковаго вѣтра. Вотъ алмазъ
Капели Кадѣ угодить въ прическу
Хотѣлъ, но Петръ поймалъ на палецъ слезку,
И Кадя слезкой ярко-золотой
Свой глазъ утерла, какъ святой водой.

XIV.

Безумно въ солнце вѣрили березы,
И ихъ безумье создало весну!
Дрожатъ и млѣютъ солнечныя лозы,
Связавъ въ вѣтвяхъ поющую струну.
Шумятъ тяжелымъ ровнымъ шумомъ сосны:
„Ну да, мы правы снова, какъ всегда—
Наслѣдуютъ унылымъ зимамъ весны,
И претворенный снѣгъ весенняя вода!
У насъ внизу закаменѣли корни—
Дыши, весна, на землю чудотворнѣй,
Чтобы вокругъ, добыча жадныхъ пчелъ,
Нѣжнѣйшій ландышъ радостно зацвѣлъ!“.

Часть вторая.

Поговоримъ о странностяхъ любви!

А. Пушкинъ.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Тоскливый перезвонъ Страстной недѣли...
На мокрой паперти огромные слѣды,
Въ щель тяжкой двери тусклый блескъ купели
И маленькихъ старухъ гнилые лоскуты.
Шипящія по плоскимъ лужамъ шины,
Слезливый дождь на черные зонты
И схимниковъ-городовыхъ резины,
И—съ постнымъ масломъ на лоткахъ блины...
На тумбы вскакиваютъ, какъ эквилибристы,
Бѣгущіе безъ ранцевъ гимназисты,
И изъ прикрытаго брезентомъ кувшина
Ужъ тянутъ дулевую воду безъ конца.

II.

Въ Страстную пятницу, на похороны Бога,
На страшную легенду Четырехъ,
Раскрылась ночь своею бездной строго,
И ковшъ медвѣдицы къ ея престолу легъ.
Застыли грудами мучнистые бульвары,
И рѣки улицъ съ четками огней
Беззвучно рухнули въ унылые кошмары
Ворчливо спутанныхъ стремительныхъ тѣней.
Драконовыми пастями подъѣзды
Смотрѣли въ узкіе унылые проѣзды
Съ холщевой вывѣской—„портниха Делярю“,
Съ автомобилемъ, наклоненнымъ къ фонарю.

III.

Единый день, единая суббота
На утро мглистая надъ городомъ взойдетъ;
Тумана хмураго растянутся тенета,
И кто-то сѣрый въ окнахъ промелькнетъ,
Тоскливѣе гудокъ на фабрикѣ застонетъ
И, прежде чѣмъ уйти изъ чернаго депо,
Локомотивъ, попятившись, зазвонитъ
Чугуннымъ буферомъ пугливо и слѣпо...
И мvроносицей, скользя въ ненастномъ дымѣ,
У гроба Господа—въ унылой мглѣ, какъ въ схимѣ,—
Въ тоскѣ унынія склонитъ колѣни даль,
Встрѣчая солнца тихую печаль.

IV.

„Къ Спасителю!"—рѣшили Петръ и Кадя.
Уютно-пустъ былъ чистенькій трамвай...
На эти бра, на яркость стеколъ глядя,
Петръ думалъ: „Это ты, почтенный Разгуляй!
Гдѣ жъ пустыри, откуда изъ канавы
Бывало стрѣлы мы пускали въ караулъ?
Изъ полосатой будки бударь бравый
Грозилъ намъ алебардой... Онъ здѣсь блюлъ
Гусей директорскихъ, сидѣлъ на портомойнѣ,
Бранился съ прачками обидно, но пристойно,
И хвастался: „Когда, сказать вамъ не берусь,
А до гимназіи здѣсь жилъ гадатель Брюсъ!"

V.

Агатовой тяжелой коллонадой
Стѣсненный залъ и, какъ ворота въ адъ,
Иконостасъ червонно-красный... Стадо
Огней угрюмыхъ, каждый точно взглядъ,
Тяжелый взглядъ, грѣхами угнетенный...
За тайною сквозныхъ узорныхъ вратъ,
За бархатомъ малиновымъ, стѣсненный
И ветхій голосъ заклинаетъ адъ...
Фарфоровыя свѣчи нѣжно-алы,
Лампады въ нихъ томительно-усталы,
И голосу алтарному изъ тьмы
Слагаютъ клиросы гудящіе псалмы.

VI.

На хорахъ гулко, мрачно и безлюдно—
Туда, по лѣсенкѣ вертляво-винтовой,
Горятъ по нишамъ мглистымъ свѣчи скудно,
Срываются ступеньки подъ ногой.
Къ чугуннымъ полосамъ рѣшетки прижимаясь,
Усѣлись кое-какъ на выступѣ... Внизу
Кипѣли волны, опускаясь и вздымаясь
Огнистой пѣной свѣчъ. Багровую слезу
Спустила нитка въ глубь паникадила,
И вздрогнуло оно и заструило
Отъ тихихъ огоньковъ, повиснувшихъ надъ нимъ,
Цвѣтные ручейки по камнямъ дорогимъ.

VII.

Въ жемчужныхъ митрахъ, въ черныхъ облаченьяхъ
Архіереи движутся внизу...
Нѣтъ словъ въ витіеватыхъ пѣснопѣньяхъ,
Въ глухихъ хоралахъ Богу-мертвецу!
И души грѣшниковъ въ богослуженьи ада,
Простершись ницъ на мозаичный полъ,
Услышали слова забытаго обряда—
Престоломъ Бога Силъ сталъ дьявола престолъ.
И бережно они держали свѣчи;
И какъ пчелиный воскъ, просты ихъ были рѣчи;
И съ грѣшныхъ губъ къ кадиламъ Сатаны
Молитвы были вѣрой зажжены.

VIII.

Высокій куполъ былъ невидно-мраченъ,
Какъ будто не былъ тамъ написанъ Саваоѳъ,
И Око-Богъ былъ сводами утраченъ,
И неба чернаго затрепеталъ покровъ.
Изъ ада, съ алтаремъ червоннымъ, съ полукругомъ
Агатовыхъ колоннъ, молилась пѣна свѣчъ
Своимъ земнымъ, измучившимъ недугамъ,
Незнаемому Богу горькихъ встрѣчъ...
И Небо вольное давно забыто было,
И мимо ночь къ безвѣстнымъ далямъ плыла,
И у самой земли они едва ль,
Приникнувъ ухомъ, вывѣдали даль!

IX.

Надъ сѣтчатыми волнами, надъ адомъ
Далекимъ и нестрашнымъ, высоко,
На выступѣ, они сидѣли рядомъ...
Какъ будто свадебное было торжество
Для нихъ въ огняхъ паникадилъ и въ четкихъ
Янтарныхъ огонькахъ копѣечныхъ свѣчей,
Въ провалахъ нишъ, въ архистратигахъ кроткихъ
Съ наивностью извилистыхъ мечей.
И въ этой безднѣ черной, тамъ, гдѣ куполъ
Раскрылъ глубокій, легкій, чуткій рупоръ,
И, вслушиваясь въ равномѣрный гулъ
Невидимый, невѣдомый прильнулъ.

X.

Въ пролетахъ ночи утро трепетало,
Стучали рѣзко по сырымъ камнямъ
Пролетки... Лампами въ пекарняхъ замелькало
По хлопающимъ съ гирями дверямъ.
Едва касаясь тротуара, въ скверъ спустились
Изнеможенные, но бодрые... Едва
Короткіе лучи на крышахъ заструились,
Въ прорѣзахъ облаковъ темнѣла синева.
Потомъ на лавочку усѣлись. Подъ глазами
Темнѣло, сжались зябкими плечами
И въ полузабытьи подъ звонъ колоколовъ
Не надо было, не хватало словъ.

XI.

Потомъ извозчикъ везъ ихъ по просторнымъ
И гулкимъ улицамъ... По призрачнымъ мостамъ
Къ унылымъ слободамъ и къ рынкамъ сорнымъ,
Съ подбитымъ голубемъ, бродившимъ по доскамъ,
Съ громоздкой, красной, грязною тюрьмой,
Съ подводами и бабой съ молокомъ;
Къ слесарнямъ съ ихъ угарно-душной тьмою
И дребезжащимъ по желѣзу молоткомъ;
Къ угрюмымъ кузницамъ съ зловѣщими горнами,
Съ покорными сѣдыми битюгами
У черныхъ висѣлицъ... И ртутью на столбахъ
Блестѣла изморозь, оттаявши въ лучахъ.

XII.

По краснымъ насыпямъ бѣжали—съ розоватымъ,
Неяснымъ отблескомъ на окнахъ—поѣзда,
И трубы дымъ несли голубоватый
Съ собой, надъ крышами, невѣдомо куда.
Расплылось кладбище черезъ кусты по лугу
Буграми плоскими отверженныхъ могилъ,
Могилъ невѣдомыхъ ни матери ни другу;
Съ Ходынской ямою... Миръ вамъ! Я къ вамъ ходилъ
По скользкой глинѣ узенькой тропинкой,
Срывалъ съ кустовъ сѣдыя паутинки
И, можетъ быть, онѣ въ отравленные дни
Спокойствіе холодное вплели!

XIII.

Миръ вамъ! Любить меня вы научили
Глухую родину, надъ вами я узналъ
Ея томительно-нерадостныя были
И пѣсни мирныя проклятьемъ запятналъ.
Миръ вамъ! И мнѣ не увидать свободы,
И къ вамъ снесутъ меня, какъ васъ, рабы,
И злые, мятежомъ разметанные, годы
Пройдутъ поникшими на эшафотъ судьбы.
Когда бы могъ, народъ, тебѣ свою свободу
Я завѣщать!.. Нашептанную воду
Не приметъ, покорясь, безбрежный океанъ,
И съ волею моей ты изойдешь отъ ранъ!

XIV.

Стояли черными, заброшенными дачи...
Съ балконныхъ крышъ тянулись нитки струй,
Выдалбливая на пескѣ воронки. Грачій
Сонливый крикъ былъ страненъ въ купахъ туй.
Въ отворенныхъ поломанныхъ калиткахъ
Ужъ были новые глубокіе слѣды;
Склонившись съ клумбъ, легли на красныхъ плиткахъ
Измятые зимой осенніе цвѣты.
Вдоль по платформочкѣ, у мокрыхъ рельсъ, скучая,
Старикъ городовой ходилъ, ружьемъ качая,
И вдругъ, остановясь надъ ручейкомъ,
Откидывалъ сучокъ запружившій штыкомъ.

XV.

На тихій свѣтъ предутра, на избушку
Скворца на ивѣ, въ полу-мглу террасъ,
Откинувшись дремотно на подушку,
Улыбкой широко открытыхъ глазъ
Глядѣла Кадя, нечета и чёта
Искала въ номерахъ, придумывала сны
О жившихъ здѣсь когда-то... И зѣвота
Извозчика такъ прибавляла глубины
И важности и сумеркамъ, и думамъ!..
И сквозь дремоту, по неяснымъ шумамъ
Въ вершинахъ липъ, узнала, что мѣста
Чужія, и спросила: „мы куда?“

XVI.

И снова отрѣшилась въ созерцаньи
Отъ скучнаго „куда“, ненужнаго „зачѣмъ“..
И, если бъ въ безконечное скитанье
Увлекъ ихъ тайный кто-то,—ахъ, ко всѣмъ,
Ко всѣмъ краямъ, роднымъ и чуждо-дальнымъ,
Улыбкой свѣтлою своихъ широкихъ глазъ
Въ весеннемъ утрѣ, свѣжемъ и кристальномъ,
Съ глубокой радостью она бы отдалась.
Нестись впередъ, встрѣчаться съ тополями,
Съ ручьями звонкими, съ серьезными полями,
Съ нимъ рядомъ, съ нимъ. Онъ тихъ, онъ не груститъ,
Онъ только хорошо и ласково молчитъ.

XVII.

У старой дачи Петръ велѣлъ остановиться
И Кадю удивленную повелъ
Къ крыльцу, готовому вздохнуть и обвалиться,
По сѣнцамъ темнымъ, гдѣ такъ плакалъ полъ.
Вложилъ въ замокъ увѣренно неслышный
Англійскій ключъ; дверь, зашуршавъ сукномъ,
Громоздко подалась... Тяжелымъ и давнишнимъ
Пахнуло... Кадя вскрикнула, плечомъ
Испуганно къ стѣнѣ прижалась черной—
Вдругъ стало жутко, сказочно-просторно!
И Петръ—не Петръ, и ужъ избитый полъ
Въ крови и опрокинутъ гулкій столъ.

XVIII.

И кровь, густая будетъ, скользкая... Поднимутъ
Ее и понесутъ... И голова въ дверяхъ
Ударится... И платье послѣ снимутъ
Неловко, разрывая... И въ серьгахъ
Оставятъ уши... И глаза забудутъ
Еще закрыть, блестящіе бѣлки
На солнцѣ стыть слюдой горящей будутъ,
И губы будутъ сжаты и тонки...
И будетъ отъ нестрашнаго, простого
Такъ страшно! Кто-то тихо скажетъ слово—
Одно, другое... И скорѣй заговорятъ
Всѣ, всѣ... И заспѣшатъ, и заспѣшатъ.

XIX.

И было, точно закружила вьюга
Унылымъ холодомъ могильно-бѣлыхъ ризъ...
И долго Петръ, не ожидавъ испуга,
Твердилъ, что это—маленькій сюрпризъ.
Хотѣлось вмѣстѣ провести хоть утро,
Совсѣмъ по-своему, совсѣмъ, совсѣмъ однимъ...
Все было взвѣшено старательно и мудро,
И что жъ тутъ страшнаго, когда она здѣсь съ нимъ?
Она ушла на шаткое крылечко
И, тихо вздрагивая, плакала, колечко
Прижавъ къ губамъ... И дѣлалось легко,
И что-то радостное билось глубоко.

XX.

Вошла такъ медленно и на порогѣ,
Схватясь за косяки, остановилась. Тамъ
Горѣли свѣчи, выхоленно-строги
Изъ узкихъ вазъ цвѣты сіяли по столамъ.
Полъ покоробленный голубовато-сѣрымъ
Сукномъ былъ застланъ; маленькій диванъ,
Два креслица, буфетъ и по портьерамъ
Мечтательный фисташковый тюльпанъ.
„А“, крикнулъ Петръ: „Какъ былъ концертъ? Удаченъ?
Я заждался и былъ ужасно мраченъ...
Помилуй—пять часовъ! Вѣдь это что жъ такой!
Noblesse oblige—пораньше быть домой!“

XXI.

И Кадя, весело разбрасывая вещи,
Смѣялась: „Ахъ, прости—ты знаешь, Пьеръ,
Графъ былъ такъ добръ, а въ паркѣ такъ зловѣще...
Онъ проводить взялся, какъ кавалеръ...“
И байроновски-долгимъ поцѣлуемъ
Она оборвала шутливо-нѣжный вздоръ.
Зачѣмъ на голубей мы томныхъ негодуемъ,—
Мы также томны и, наперекоръ
Сантиментальнымъ „пра“, сантиментальны!
Вѣкъ кринолиновъ помнитъ столъ овальный,
И такъ же мы жеманны, какъ и вы,
Поэты Бѣдныхъ Лизъ, Карамзины!..

XXII.

Всѣ эти крошечные пустяки, причуды
Затѣйливой, кокетливой любви—
Размолвки, хитрости, обманы, пересуды—
Давно-прошедшаго живые двойники.
Есть и у васъ свои предначертанья,
Свой сладкій ритуалъ и милые грѣхи;
Для первыхъ встрѣчъ уже накоплены признанья
И нѣжныя традиціи любви!
И, если бъ вывѣдать у Дафниса и Хлои
Ихъ сокровенныхъ дней прибои и отбои,
То, можетъ быть, они сказали бъ намъ
Все, что молчитъ у насъ по тайникамъ.

XXIII.

Они задумчиво о будущемъ мечтали...
Собравши по-ребячески въ подолъ,
Перебирала лепестки азалій
Мечтательная Кадя и, на столъ
Насыпавъ пригоршню фарфоровыхъ фигурокъ
И рядомъ усадивъ неловкаго Петра,
Дѣлила ихъ: „Японецъ мой—твой турокъ,
Мой слонъ... Ну, а теперь—игра!
Японецъ съ туркомъ встрѣтились... Ну, двигай!
Раскланялись... Ну, кланяйся! И—съ пикой
Подходитъ рыцарь:—Не видали ль вы,
Сеньоры, здѣсь не водятся слоны?

XXIV.

И ничего ты не умѣешь толкомъ!..
Пусти!.. Постой! Салфетку дай! Скорѣй,
Скорѣе же!.. Смотри—кочуя долго
Въ пустынѣ Гоби (на столѣ), еврей
(Вотъ этотъ) свой шатеръ раскинулъ изъ салфетки...
Придумывай, что дальше!.. Боже мой,
Онъ падаетъ!.. Мнѣ хочется котлетки!..
Папусь, дай мнѣ котлетки отбивной!"
Молящія сложила ручки, губки
Надула... „Ахъ, смотри, какъ хрупки,
Какіе тоненькіе пальчики... Папусь,
Я ихъ сломать отъ голода боюсь!"

XXV.

„Глупить, дурачиться! Какъ весело, мой милый!
Вѣдь это утро будетъ безъ конца?
Зачѣмъ конецъ? не нужно! Проглупила
Такъ долго и—конецъ?.. И—что жъ тогда?
Я умненькая! Не сердись на Кадю...
Мнѣ весело, что я тебя люблю!"
Устало выбились изъ слабыхъ гребней пряди
И сдѣлали ее родной и близкой всю.
И въ раннемъ солнцѣ, окружившемъ сторы
Оранжевой прошивкой, у прибора
Края обжегшемъ,—впалость щекъ и глазъ
Сказала имъ, что жизнь ихъ началась.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

На блюдѣ прѣсно-плотная индюшка
Ломтями бѣлыми; жемчужное желе
Застывшаго бульона; съ завитушкой
Бумажной двѣ котлеты; въ хрусталѣ
Шербетъ коричневый къ Нюи и два бокала
Граненыхъ, узкихъ, точно вазы для цвѣтовъ...
А Кадя съежилась и сонно замолчала.
Сталъ слышенъ за окномъ неясный шумъ кустовъ;
Сквозь запахъ гіацинтовъ и азалій
Вдругъ затхлой сыростью обои задышали,
И подъ сукномъ коробились въ полу
Гнилыя доски, накренясь къ углу.

II.

„Мнѣ страшно, Петя! Почему такъ, милый?
Ахъ, почему?.. И въ сердцѣ, милый, жуть...
И отъ тоски избавиться нѣтъ силы!..
Скажи мнѣ ласково и тихо что-нибудь!“
Свернулась на диванѣ и приникла,
И странные, холодные глаза
Раскрыла широко... „Я отъ всего отвыкла,
Всѣ эти дни я не была одна!
Въ какой-то сказкѣ я сама, какъ сказка...
Едва она сплелась, ужъ мнѣ нужна развязка;
А у меня теперь ты, только ты—
Твои слова, твой умъ, твои мечты!

III.

„Пойми, что я живу однимъ тобою,
И жизни цѣль и жизни смыслъ въ тебѣ.
Моя судьба—раба передъ твоей судьбою,
Но вотъ она еще въ томительной борьбѣ.
Какъ будто тамъ—въ душѣ—послѣдніе удары
Послѣднимъ одиночества мечтамъ,
Еще горятъ послѣдніе пожары,
И надъ обломками такъ жутко-пусто тамъ...
Я знаю, что мертво мое былое;
Я знаю, что оно такое злое-злое,
И гибели его такъ рада, рада я...
И все-таки ты пожалѣй меня!

IV.

„Мое—прошло, а наше—медлитъ время!..
Ахъ, мой любимый, женская душа
Такое тяжкое, таинственное бремя,
Какъ будто до сихъ поръ она возмущена,
И для нея не начиналось время...
Какъ въ дни творенія библейская земля,
Она—клубокъ стихій, еще не раздѣленныхъ;
Въ ней воды не слились для бѣга корабля,
Въ ней нѣтъ долинъ, для нивъ опредѣленныхъ...
Она не скажетъ изъ глубинъ бездонныхъ
Словамъ Творца—да будетъ твердь и свѣтъ!—
На радостнаго „да“, на сумрачнаго „нѣтъ“...

V.

„Не вѣрю я ни въ сказки ни въ завѣты,
Ни Бога нѣтъ ни смысла для меня,
И только темныя, зловѣщія примѣты
Встаютъ вокругъ, пугая и казня.
Мнѣ страшенъ громъ и вѣтра смутный ропотъ,
И крикъ совы, и ночи черной жуть,
И твой во снѣ невнятно дикій шопотъ,
Какъ-будто кто-то жилъ въ тебѣ когда-нибудь...
Какъ-будто вѣтеръ, громъ и ночь, и крикъ совиный
Всѣ тотъ же *кто-то*—страшный и звѣриный;
Какъ-будто изъ вѣковъ встаетъ онъ для меня,
И въ томъ, что я живу, предъ нимъ виновна я.

VI.

„Гнететъ предчувствіе неотвратимой кары...
Не надо бы встрѣчаться намъ съ тобой—
Пускай истлѣла бъ я на вышкѣ дѣвой старой,
Сантиментально плача надъ судьбой!
Я принесла тебѣ съ собой оттуда горе...
Не потому ль ты холоденъ ко мнѣ,
Не потому ль въ своемъ шутливомъ вздорѣ
Я прятала слова, какъ уголья въ золѣ—
Слова къ тебѣ, слова любви и счастья,
Боясь, что имъ отвѣтитъ безучастье,
Боясь, что ихъ вдругъ не услышишь ты,
Что скажутся они не нужны и пусты“.

VII.

Какъ-будто новыя, грозя, сверкнули дали
Въ пролетъ нечаянно раскрывшихся дверей...
Петръ подошелъ къ столу и шляпку подъ вуалемъ
Ласкалъ разсѣянно и цѣловалъ скорѣй
Пахучій нѣжный шелкъ... И думы были странны,
Какъ будто шелкъ такой былъ бѣдный... да—
И могъ понять, какія вскрылись раны,
Какая тяжкая гроза пережита!..
Вѣдь надо жъ было разсказать скорѣе
О спазмахъ муки, становившихся острѣе,
Острѣй!.. Кому-нибудь, безсвязно, кое-какъ,
Изъ всей безмѣрности какой-нибудь пустякъ!

VIII.

А черныя слова ему шуршали снова:
„Къ чему, зачѣмъ сходится было намъ?
Тоской и муками отравленнаго слова
Не избѣжать трепещущимъ губамъ!
Измученная прошлыми мечтами,
Я не люблю тебя, я не могу любить—
Взятъ одинокими безсонными ночами
Мой первый поцѣлуй. Онъ—тамъ, онъ можетъ быть
Еще горитъ въ батистѣ на подушкѣ...
Мой *милый*—дѣдъ-гусаръ на тетушкиной кружкѣ,
Мои свиданія—въ гостиной у окна...
Моя любовь—на строчкахъ дневника!

IX.

„Я не люблю тебя! Ты слишкомъ настоящій,
Разсѣянный, холодный... Ты—не мой!
Мнѣ надо тишины, отъ музыки звенящей,
И ласкъ безсилящихъ! А тамъ—покой нѣмой,
Безстрастный, безконечный, неисходный...
Въ больницѣ гдѣ-нибудь невѣдомой сестрой,
Чтобъ быть одной, покинутой, свободной,
Забывшей все, внимающей съ тоской
И смѣху и глубокимъ вздохамъ счастья—
Затѣмъ, что имъ не надобно участья,
Что имъ не надобно ни ложечки у рта,
Ни узкаго больничнаго бинта!

X.

„Ты слишкомъ одинокъ, чтобы любить! Ты любишь
Жизнь, а не Кадю, міръ мой—не меня!
Какъ полѣсовщикъ мѣткою зарубишь,
Задѣнешь мѣломъ, мимо проходя.
На слезы ты отвѣтишь утѣшеньемъ;
На горькія слова, на темную тоску—
Погладишь по головкѣ ободреньемъ...
Я знаю, знаю все! И вотъ—еще могу
Тебѣ разжевывать какія-то признанья,
Какъ будто нужно капельки вниманья,
И можно съ этой капелькой понять,
Въ какую щеку надо цѣловать!

XI.

Я ухожу... Что жъ? Предложи мнѣ шляпку!
Что жъ? Позаботься о калошахъ и зонтѣ!
Моя любовь—мой дѣдъ—тебя бы назвалъ тряпкой!
Да—дѣдушка былъ не чета тебѣ!..“
Ушла, калиткой стукнула... И стало
Такъ тихо-тихо! Гдѣ-то мышь скребла...
Когда бы знала, если бъ только знала,
Какую боль душа перемогла!
Петръ для себя былъ страшнымъ привидѣньемъ—
Хотѣлъ шагнуть, не могъ; вжималъ съ ожесточеньемъ
Въ ладони ногти—боли не было; кричать
Хотѣлъ и тѣсныхъ губъ не въ силахъ былъ разжать...

XII.

Ужъ утро дымное давно поголубѣло;
Свой алый жертвенникъ сложилъ, погасъ востокъ;
И тѣнь, упавшая отъ ели, загрубѣла,
И стали четки колеи дорогъ.
И нужно было больше отрѣшенья
Отъ тягостной татуировки лѣтъ,
Чтобъ солнца подмѣчать свободное теченье,
Чтобы понять о́ солнцѣ птичій бредъ,
Чтобъ быть самимъ собой, какъ и безсонной ночью,
И думать объ одномъ, одно понять воочью,
Что ты—одинъ, что ты—впервые ты,
И нѣтъ тебѣ нигдѣ проторенной тропы.

XIII.

И вспомнилъ Петръ, вискомъ къ стеклу окна прижавшись,
О прошломъ, о любви погасшей далеко...
О томъ, какъ онъ ушелъ, кого-то не дождавшись,
Съ почтовой станціи, и было такъ легко,
Да—такъ легко сквозь всю мучительную ревность,
Сквозь всю тоску оборванной любви,
И онъ позналъ тогда родныхъ полей напѣвность,
Такъ стали вдругъ они печально-дороги...
И долгихъ лѣтъ унылую вседневность
Согрѣла ранняя ребяческая ревность
Къ подростку-дѣвочкѣ, знакомой два-три дня,
И помнилъ голосъ онъ и брошку изъ кремня.

XIV.

Припомнилъ бы за ней онъ женщинъ много!..
Но весь ихъ зной, но вся ихъ глубина
Не скрыли отъ него далекаго былого—
Священнѣй всѣхъ была ему *она*.
Вѣдь только ей онъ не сказалъ признанья
И рыцарски учтивъ былъ только съ ней,
И чисты лишь о ней его воспоминанья,
Похожія на бѣлыхъ голубей.
При имени ея не могъ онъ скрыть волненья
И въ сердцѣ, старикомъ, сберегъ благоговѣнье
Къ когда-то сказаннымъ, незначущимъ словамъ,
Къ нечайному „тебѣ", на зло сухому „вамъ"...

XV.

Но отбылъ дѣдъ положенные годы,
Въ могилу сдалъ невзрачный старый трупъ,
Суровый крѣпостникъ не пережилъ свободы,
Какъ сваленный, въ надѣлъ изъ парка взятый, дубъ.
И вотъ взошелъ онъ вновь по радостнымъ ступенямъ
И, пододонный, поднялъ западню
Навстрѣчу новымъ тайнамъ и велѣньямъ,
Навстрѣчу новому, невѣдомому дню.
И снова дѣвушка на солнечномъ порогѣ,
И помыслы его и дѣвственны и строги...
Казалось, сердцемъ принялъ онъ опять
И благодать любви и жизни благодать.

XVI.

Но только для чего онъ не забылъ такъ много,
И для чего темнѣетъ въ немъ самомъ
Такъ много горькаго изъ прежняго былого,
И юношескій умъ крещенъ на жизнь въ быломъ?
Какъ будто онъ глядитъ сквозь толщу водяную,
Какъ будто между нимъ и жизнью полумгла,
Какъ будто онъ пришелъ не жить, а жизнь иную
Пытливо свѣрить съ той, которая была.
И тусклый взглядъ его отягощенъ вниманьемъ...
Его страданье будетъ—состраданьемъ,
Его любовь—холодная любовь,
И кровь его—заводъ хронометра—не кровь!

XVII.

А силъ такъ много непочатыхъ, смѣлыхъ!..
Такъ на пустынной площади кремень
Ждетъ пасмурный подковъ разгоряченно-бѣлыхъ,
Чтобъ искрами спугнуть томительную лѣнь,
Быть заодно съ конемъ, съ разметанною гривой,
Съ глазами красными и пьянымъ сѣдокомъ,
Когда бугры камней, заклокотавъ трусливо,
Приникнутъ, злобные и черные, кругомъ!..
Что жъ надобно ему? Разнузданныхъ мученій,
Насторожающихъ утратъ, бодрящихъ мщеній
Невидимаго злого Божества?—
Но лишь внимательность растравится одна!

XVIII.

Не потому ль пари такъ проигралъ безславно,
Намучась съ Фаустомъ тщеславный сатана,
Что встрѣтилъ не борца, съ которымъ былъ бы равный,
А—любознательность, которой смерть одна
Сильнѣе? И Творецъ земли недаромъ,
Въ отвѣтъ на вызовъ дьявола, всегда
Сводилъ его не съ молодымъ, а старымъ,
Кого вниманію наставили года!
А тамъ ужъ зажигай его любовной страстью
Иль чѣмъ другимъ—не крикнетъ „стой!“ онъ счастью,
И даже возродясь изъ тлѣна молодымъ,
Онъ будетъ созерцателемъ простымъ!

XIX.

Гдѣ грезы лунныя ночного привидѣнья?
Любовь не для него, онъ самъ—не для любви!
Его мечты, глумясь, уже коснулось тлѣнье
И бездной порваны грядущаго пути!
Мечталъ—ее спасти и вотъ—ее онъ губитъ,
И ихъ удѣлъ одинъ—къ недавнему возвратъ...
Ты лгалъ, апрѣль! Она его не любитъ!
Ты лгалъ, апрѣль! Каминъ зоветъ назадъ!
Но—пусть—онъ хочетъ жить, бороться силы хватитъ;
Пусть въ смерть судьба клубокъ свой темный катитъ,
Пусть сгнившій гробъ его злорадно ждетъ—
Свой новый путь онъ до конца пройдетъ.

XX.

Онъ вынулъ брилліантъ, не развернувши тонкой
Знакомой замши, и швырнулъ въ окно...
И кто-то премелькнулъ, и засмѣялся звонко,
И солнечныхъ лучей запуталъ волокно.
Потомъ вскочилъ на вѣтки, задрожали
Мелькая вѣтки, спрыгнулъ, расплескавъ
Ручей, и тамъ въ лазурной, легкой дали
Помчался дымнымъ облакомъ, зажавъ
Въ ладоняхъ вытянутыхъ искру брилліанта,
И лѣсъ—угрюмый внукъ угрюмаго Атланта—
Поднявъ небесный сводъ на рамена вершинъ,
Ревниво скрылъ его во мглѣ своихъ пучинъ.

XXI.

И мудро перешептывались сосны
О немъ, о маленькомъ, взволнованномъ Петрѣ:
Наслѣдуютъ унылымъ зимамъ вёсны,
Весенній жемчугъ въ зимнемъ серебрѣ!
И ты, пришедшій къ намъ изъ праха снова,
Не тяготись недавней тьмой могилъ,
Какъ мы, возставшіе изъ гроба снѣгового,
Какъ струи рѣкъ изъ синихъ льдистыхъ жилъ!
Журчи съ ручьемъ, шуми съ мохнатой хвоей,
Познай, какъ мы, волненій и покоя
Размѣренную смѣну бытія:
И благо—жизнь твоя, и благо—смерть твоя!

XXII.

„Живи, какъ будто жизнь твоя не смолкнетъ вѣчно.
Борись за жизнь до смертаго конца
Меча защитнаго не покидай безпечно—
Пусть онъ замретъ съ тобой, въ пожатьи мертвеца!
Въ любви и въ радости коварно-лживо скрыты
Мучительный ударъ, страданій долгихъ ядъ—
Отдайся имъ, но панцыремъ покрытый,
Но разума свободнымъ шлемомъ сжатъ!
Не затемни кристальныхъ дней тревогой,
Чужими помыслами, праздностью убогой,
И никому не дай ты перейти
Свои случайные, но вольные пути“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Гускнѣй огни свѣчей... Нѣтъ ни Петра ни Кади!
Ихъ комната угрюма и пуста...
Уплыло солнце, въ стекла рамъ не глядя...
Чу—мыши бѣгаютъ по скатерти стола:
Ихъ молчаливый пиръ таинствененъ и жутокъ:
Лишь звякнетъ по тарелкѣ яркій ножъ,
Поднимутся скелеты птичьихъ грудокъ,
Въ недопитомъ винѣ замретъ, застынетъ дрожь...
А по угламъ на паутинахъ гибкихъ
Повисли пауки... Въ саду, на вѣткахъ зыбкихъ,
Блеститъ синѣя сталактитъ дождя,
И поѣздъ гукаетъ, съ платформы уходя...

II.

Въ лѣсу, подъ соснами, на старый пень присѣла,
Ладонями лицо закрыла, прядь волосъ
Повисла мокрая, прическа подурнѣла
И расползлась жгутами свѣтлыхъ косъ...
Трясутся узенькія, сгорбленныя плечи,
И плачетъ маленькое сердце невзначай—
Въ немъ что-то скомкано и брошено далече,
У новой чашечки обломанъ хрупкій край.
Вдругъ жутко понята невѣдомая тайна,
Коснулось что-то темное случайно—
Такъ подвѣнечное червонное кольцо
Недобрымъ блескомъ заглянетъ въ лицо.

III.

Онъ наклонился къ ней, коснулся рукъ смущенно,
И не было въ губахъ простыхъ послушныхъ словъ.
Все спуталось, и думы монотонно
Кружились странныя въ безумьи полусновъ—
О ровномъ шумѣ старыхъ узкихъ сосенъ
И о корѣ морщинистыхъ стволовъ,
О дятлѣ вдумчивомъ, подсчетъ ушедшихъ весенъ
Ведущемъ для рѣзныхъ весеннихъ облаковъ...
О гребняхъ въ волосахъ у Кади, пальцахъ тонкихъ...
О бабушкиныхъ слѣпенькихъ болонкахъ,
Визжавшихъ жалобно на бѣличьемъ мѣху,
О дѣдѣ скорченномъ, завернутомъ въ доху.

IV.

Онъ злобно обрывалъ кошмаръ и комкалъ мысли...
Щемила тяжкая грызущая тоска,
И думы порванныя путались и висли,
И жизнь была безсмысленно дика.
Какъ-будто сдвинулись вокругъ и полиняли
Дешевыхъ декорацій лоскуты—
Картонный пень, бумажный мохъ и дали,
И въ даляхъ облака и замки, и мосты.
И платье путалось за выступы и рамы,
И выдранный лоскутъ холста у панорамы,
Приколотый булавкой, западалъ,
И тамъ—за нимъ—чернѣлъ глухой провалъ.

V.

Нѣтъ ничего!.. Ихъ двое, только двое!
И онъ—одинъ, и кто она? И вдругъ
Нахлынуло опять гнетущее, чужое,
Какъ будто смерть его коснулась рукъ,
Какъ будто вотъ сейчасъ все вырветъ, все отниметъ,
Все, чѣмъ онъ живъ, все, что онъ полюбилъ,
И маску жизнь, какъ сонъ недолгій, сниметъ,
И снова будетъ онъ—унылый прахъ могилъ.
И онъ упалъ на землю, на колѣни,
Безъ словъ, безъ слезъ, разбитый отъ мученій,
И тяжело дыша прижался къ ней,
Какъ къ нянѣ отъ пугающихъ тѣней.

VI.

И ноги обхватилъ ее цѣпляясь
И что-то бормоталъ несвязно, какъ во снѣ...
И плакалъ вѣтеръ, плакалъ, наклоняясь
Въ струящейся вуалевой волнѣ.
Шумѣли сосны о спокойно-вѣчномъ
Сіяніи прогалинъ огневыхъ,
И тѣнь змѣясь къ тѣнямъ бѣжала встрѣчнымъ,
И дымные лучи переломлялись въ нихъ.
Грустила иволга наивная, грустила
О свѣтломъ и негрустномъ; золотила
На солнцѣ перлы желтые смола
Въ морщинѣ теплой темнаго ствола.

VII.

И голосъ онъ услышалъ надъ собою
Печально-вдумчивымъ и низкимъ... Никогда
Такимъ онъ не былъ!.. Тихою толпою
Пришли спокойные, неспѣшные слова.
„Ну, полно... Я не плачу, я спокойна...
Не надо прошлаго и не вернуть его!
Не греза жизнь и грезъ я недостойна,
И счастья нашего я жду—не своего...
Оставь меня съ моимъ, мы одиноки оба!
И наша жизнь лишь маленькая проба
Получше, посвѣтлѣе какъ-нибудь
Пройти томительный и одинокій путь...“

VIII.

И вздрогнулъ Петръ настороженной болью,
И къ ней припалъ, и нѣженъ и жестокъ...
И острый поцѣлуй смѣшался съ слёзной солью,
И рѣзалъ глазъ рѣсницы волосокъ.
И были жесткими горячія ладони,
И влажныхъ мягкихъ щёкъ такъ нѣженъ ароматъ;
И звуки дня въ ушахъ слились въ глубокомъ звонѣ...
. . . . . .
И слабыя изнемогали губы,
И чувствовались въ нихъ и размыкались зубы,
И тайные встрѣчались языки,
Мучительно и радостно близки.

IX.

Ушли невѣрными, неловкими шагами
И были вяло-хрупки, какъ во снѣ...
Хрустѣли листья, вѣтки подъ ногами,
Горѣли сосны въ солнечномъ огнѣ.
И яркій день былъ такъ не согласованъ
Съ молчаньемъ ихъ, съ пожатьемъ тихихъ рукъ,
Какъ будто по аллеѣ, зачарованъ,
Плылъ, тѣни ихъ оберегая, кругъ.
Судьба и имъ вложила чашу въ руки
Съ напиткомъ терпко-сладкимъ: безъ разлуки,
По каплямъ медленнымъ изжить, страдая, все!..
Иной, понявъ, благословитъ ее—

X.

Таинственно-глубокую загадку,
И въ жертву сердце обречетъ свое,
И будетъ знать, любя, морщинъ тяжелыхъ складку...
Иной, понявъ, благословитъ ее!
Не преклонясь, не разгадавши муки,
Иной уйдетъ, вольнолюбивый, прочь—
Но не забыть ему протянутыя руки,
Но одиночества ему не превозмочь!
Вовѣки недостойнымъ сожалѣнья,
Рабомъ мерзѣйшаго владыки—наслажденья
Тотъ будетъ самымъ низменнымъ рабомъ,
Кто, не понявъ, останется вдвоемъ!

XI.

Они ушли... Куда, къ чему? Отвѣтитъ
Все, что вокругъ—отъ солнца до пыльцы,
Что подъ росой лучами солнца свѣтитъ...
На всемъ, какъ и на нихъ, терновые вѣнцы!
Нѣтъ радости безъ тайнаго мученья,
Лишь радость-мука до конца свѣтла—
Ей свѣтозарныя сложили пѣснопѣнья,
Въ ея одежды облекли Христа.
Но только человѣку Божьей волей
Данъ свѣтлый даръ: изъ неисходныхъ болей,
Изъ неисчетныхъ мукъ, изъ язвъ, точащихъ кровь,
Понять и радость жизни и любовь.

Часть третья.

...Онъ увидитъ
Святую Русь: ея поля,
Пустыни, грады и моря.

А. Пушкинъ.

Часть третья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Уже дома румяно вечерѣли,
И на углу былъ запертъ магазинъ;
И хрипло по дворамъ шарманки пѣли;
И чистили изъ оконъ апельсинъ.
По узенькимъ пятнистымъ тротуарамъ
Шли парочки, касаяся колѣнъ
Тѣхъ, кто усѣлся по крылечкамъ старымъ
И вдоль линючихъ розоватыхъ стѣнъ.
Играли въ перышки и ссорились мальчишки,
Младенца мать тащила за штанишки,
Чтобъ до конца успѣть пересказать,
Какъ было ей мучительно рожать.

II.

Рогожами, асфальтомъ пахло въ залѣ
Угрюмаго вокзала. Толкотня
Была отъ дачниковъ. Безъ жалости кидали
Багажъ носильщики. Бродилъ, звеня
Тупыми шпорами, жандармъ багровый.
Метались темные, худые мужики...
Ненужнымъ былъ иконостасъ дубовый
Съ слѣпымъ огнемъ неискренней свѣчи.
У стойки пили водку на прощанье,
Кричали что-то... Причиталъ названья
Какихъ-то станцій сторожъ, а въ углу,
У кассъ, дремали бабы на полу.

III.

До Нижняго въ купэ такъ сладко спалось,
А въ Нижнемъ встрѣтилъ утренній вокзалъ.
У пристаней Ока блестѣла и смѣялась—
Ихъ пароходикъ весело помчалъ
Изъ ярмарки въ зеленый мирный городъ,
Съ церквами бѣлыми на вышинѣ холмовъ.
Какой-то биржевикъ, поднявъ у куртки воротъ,
Вонзился въ списокъ злостныхъ должниковъ;
Какой-то маленькій студентъ въ рейтузахъ
Вралъ гимназисткамъ о билліардныхъ лузахъ;
Какой-то хлюстъ съ подвязанной щекой
Нылъ и икалъ и къ дверкѣ льнулъ съ тоской.

IV.

Вотъ онъ—сонливо-домовитый Нижній
Съ Покровками, Варваркой! Твой откосъ
Все также милъ, и шлетъ къ нему Всевышній
И шопотъ паръ и дымъ отъ папиросъ.
Изъ прошлаго остались башни, стѣны,
Но прошлое не въ нихъ закрѣплено:
Пусть лишь онѣ стоятъ безъ перемѣны,
И что-то встарь подъ нихъ погребено—
Особняки, орловцы да конторы,
Текущіе счета, пробои да запоры,
Варантъ, дисконтъ, протестъ да босяки
Связали въ жгутъ двѣ вольныя рѣки.

V.

Но цѣликомъ, приподнятый холмами,
Ты такъ красивъ, какъ бы совсѣмъ другой,—
Такъ миловиденъ свѣтлыми домами,
Такъ принаряженъ темною листвой!
Ты, какъ купчихи стараго закала,
Съ монистами и въ шелковомъ платкѣ,
Съ которыхъ Богородицъ записала
Скупая кисть на выгнутой доскѣ,
И чтится темная цѣлящая икона!
А та, оригиналъ, свела два милліона
На кутежи, любовниковъ... Что въ томъ?
Отгонимъ бѣса истовымъ крестомъ.

VI.

Купили колбасы и сыру. На базарѣ
Купили простодушныхъ пустячковъ...
Мороженое ѣли на бульварѣ...
Смотрѣли на степенныхъ рысаковъ,
Прогуливавшихъ дѣвушекъ дородныхъ
Съ кисейными зонтами, на трамвай,
Такой игрушечный, смиренно-тихоходный
И тренькающій робко—невзначай...
Прошли Кремлемъ, таинственно спустились
Въ вагончикъ элеватора; смирились,
Вдругъ запертые вражескимъ ключемъ,
И сверглись въ адъ, какъ близнецы, вдвоемъ.

VII.

Сбѣгали крючники съ мѣшками на подушкахъ
По гнущимся подъ тяжестью мосткамъ,
И лица ихъ въ подтекахъ и веснушкахъ
Клонились къ грязнымъ выбитымъ доскамъ;
И были худы жилистыя руки,
И ногти исковерканы на нихъ,
И не въ глазахъ, а въ спинахъ много муки
Скопилось въ безысходныхъ и глухихъ,
Унылыхъ дняхъ, угомоненныхъ водкой...
Тамъ, надъ рѣкою, спятъ они подъ лодкой
Въ кануны понедѣльниковъ; тогда
Ихъ стонъ—проклятье, кашель ихъ—бѣда!

VIII.

Газетчики на перебой открытки
Совали; снизу чистильщикъ сапогъ,
Разставивъ гуталинъ, изъ гуттаперчи плитки,
Просилъ вниманья шмыгающихъ ногъ.
Красавецъ-пароходъ уже ревѣлъ протяжно,
И—монархистъ—національный флагъ
Потрепанный развилъ по вѣтру важно
И въ солнцѣ жегъ свой розоватый лакъ.
Отъ нефти чернымъ дымомъ потянуло,
Отъ заработавшей машины покачнуло,
И— межъ тюковъ, съ корзиной, полной льда.—
Послѣдній разъ мелькнули повара.

IX.

„Впередъ—до полнаго!“ Какъ будто оторвалось
Все хмурое отъ сердца, и его
Захолохнула нѣжная усталость...
Отхлынула—и стало такъ свѣтло,
Просторно, сказочно и радостно! Быть можетъ,
Такъ было лишь съ Петромъ? Но почему
Вонъ тотъ купецъ, который смачно гложетъ
Кожурку колбасы (давно претитъ ему,
Должно быть, Нижній и рѣки раздолье,
Но и его разобрало приволье),
Снялъ котелокъ и, утеревъ усы,
Вздохнулъ, сложивъ на животѣ персты.

X.

Въ каютѣ наскоро устроились, помылись
И бросились на палубу скорѣй.
Ужъ караваны баржъ отъ дали задымились
И пятнами домовъ, садовъ, Кремля, церквей
Маячилъ Нижній пестрой панорамой.
Ужъ миновалъ Печёрскій монастырь,
Зеленымъ берегомъ охваченный, какъ рамой,—
Надъ нимъ, подъ нимъ и сизый блескъ и ширь...
И потянулись отмели и тальникъ,
И, мирныхъ мѣстъ молельникъ и печальникъ,
То тамъ, то здѣсь надъ мутною волной
Склонилась ива грустной кривизной.

XI.

Макарьевъ, Толга, Рѣшма и Бабаевъ—
Четыре грани Волжскаго кольца!
Отъ кашинскихъ и кимрскихъ краснобаевъ
До астраханскаго надменнаго дѣльца,
Отъ узкихъ береговъ со старыми церквами
И мшистыми кремлями городовъ
До шири межъ безлюдными полями,
Межъ сумрачныхъ таинственныхъ песковъ!
Макарьевъ — волжская суровость, Толга — древность,
Бабаевъ—красота, а Рѣшма—та напѣвность,
Та ласки полная и тихая печаль,
Которую въ разлукѣ съ Волгой жаль.

XII.

Какъ будто четырьмя монастырями
Благословляема, въ пути ты вновь и вновь
И молишься подъ старыми церквами...
Они звонятъ: „Плыви, не прекословь!
Учась, учи завѣтному терпѣнью!
Но если Богъ тебѣ велѣлъ бы вновь,
Быть вновь путемъ народному смятенью,
Могилы братскія на днѣ своемъ готовь!
Угодники твою глухую правду видятъ—
Въ одеждахъ ангельскихъ они изъ облакъ снидятъ
И огненнымъ пылающимъ щитомъ
Благоволенье разольютъ кругомъ.

XIII.

„И будешь ты не сирой и печальной
Къ селеньямъ рабскимъ льнуть своей волной
И изнывать въ тоскѣ весь путь свой дальный
И кутаться туманной пеленой!
По берегамъ не пьяные разгулье,
Полно отчаянья, забредитъ до зари—
Ты потечешь въ свободномъ шумномъ ульѣ
Подъ пѣсни мира и любви!“
Такъ говорятъ они, а ты не вѣришь, Волга!
Ты мучилась, тоскуя, слишкомъ долго,
И эти грезы свѣтлыя давно
Ты схоронила въ илистое дно.

XIV.

Быть можетъ, вновь, насуплена сурово,
Въ пожарищахъ, въ неистовой рѣзнѣ,
И отъ кровавыхъ тѣлъ и отъ огней багрова,
Ты будешь ждать, тѣсня волну къ волнѣ,
Ждать, что̀ окончитъ вдругъ глухую бойню,—
Уже предчувствуя и кандалы и плеть
(Убійствъ и мщенія уродливую двойню),
И висѣлицъ скрестившуюся сѣть...
Ты, мудрая, не нашею тоскою
Полонена, и нѣтъ тебѣ покою,
И кажешься ты намъ печальной потому,
Что мы съ тобою мыкаемъ тоску.

XV.

Причалилъ отъ Макарьева къ Исадамъ
Широкимъ полукругомъ пароходъ.
Какъ кукла кустарей, съ пугливымъ взглядомъ,
Городовой пролѣзъ уже впередъ.
Такой онъ невнушительный, линючій,
Какъ вывѣски въ провинціи, такой
Для всѣхъ давно знакомый, не минучій,
Пропитанный безправьемъ и тоской.
Его тѣснятъ, толкаютъ, онъ отходитъ
Къ кормѣ и шашку за спину отводитъ
И, на амбаръ облокотясь спиной,
Стоитъ, и добродушный и смѣшной.

XVI.

По сходнямъ хлынули за почтой бабы, дѣти,
Съ мѣшками, топорами мужики;
И попикъ, пишущій отъ старости мыслете,
Въ подрясникѣ изъ грязной чесунчи;
И барыня въ пенснэ, съ сѣдой собачкой;
И юноша въ плащѣ и съ кодакомъ;
И землекопъ съ лопатами и тачкой;
И инвалидъ съ короткимъ рукавомъ...
Въ потертыхъ шляпкахъ прошлогодней моды,
Съ мужскими лицами, познавшими невзгоды,
И съ флёръ-д-амуръ по лбу и по вискамъ,—
Учительницы входятъ по мосткамъ.

XVII.

Казань. Татары. Шарфы, апельсины
И деревянныя игрушки кустарей,
Лимоны, туфли, бусы, мандарины
И воб а съ колбасой и связки кренделей.
Изъ гнутыхъ проволокъ корзинки и повозки,
И зайчики изъ краснаго сукна;
Чулки и щипчики, наперстки и расчески;
И ящиковъ клейменая стѣна.
Крикъ, толкотня; расхлябанныя доски;
Рой крючниковъ, волнистый и громоздкій;
И ресторанъ, похожій на сарай;
И двухъэтажный, съ зонтикомъ, трамвай.

XVIII.

А городъ далекò—за дымными песками,
За чередой гніющихъ, пьяныхъ лужъ—
Съ Сюмбекою, съ Державинымъ, съ садами,
Тоскливъ и неуютно-неуклюжъ.
Забитые голодные татары,
Угрюмо-скучныя названія газетъ,
Песчанаго смерча размѣрные удары
И неба мутный, желто-сѣрый цвѣтъ.
„Крафтъ-Эбингъ", „Пазухинъ" у книгоноши;
Въ окно каютъ заглядываютъ рожи,
И въ рубкѣ чередуетъ питія
Казанцевъ круглоносая семья.

XIX.

Все шире Волга къ Камѣ за Казанью,
Унылѣе, отложе берега,
И чаще пароходы. Пѣсней, бранью
Четвертый классъ шумитъ изъ глубока.
Туристы, въ смокингахъ и курткахъ, монотонно
Слоняются отъ носа до кормы;
Ѣдятъ селянку въ первомъ классѣ сонно,
Читаютъ „Тартарена" и „Власть тьмы"...
И спорятъ во второмъ съ насупленнымъ сосѣдомъ,
Какъ голодъ, прошлый разъ обманутый обѣдомъ,
Удешевить къ сегодняшнему дню—
По-порціонно или по меню.

XX.

А Волга ширится навстрѣчу мрачной Камѣ...
Вотъ мглистая она уже видна,
Ужъ оборвалъ туристъ боры жеманной дамѣ,
Уже влилась суровая волна,
И помутнѣла Волга, стала строже.
Сестра угрюмая уже вдохнула ей,
Склоняясь медленно въ двойное ложе,
Трущобно-дикой важности своей.
И пароходъ какъ-будто всталъ: нѣтъ силы
Итти впередъ—тяжка вода... Застыла
И долго смотритъ пристально въ глаза
Пустынная, огромная рѣка.

XXI.

Симбирскъ—онъ весь въ листвѣ, его не видно!
Усадьба барская, просторная. Въ садахъ
И съ массой соловьевъ. Онъ спитъ солидно,
И дремлетъ цѣпь фонариковъ въ кустахъ.
Толкутся на терраскѣ парохода
Полуночные пары горожанъ;
Мелькаютъ лодки; млечный путь, какъ сода
Просыпанная... Пѣсенки цыганъ
Поютъ съ веселыхъ, еле видныхъ лодокъ;
И бочки, ящики отъ чая и селедокъ
Съ остервененіемъ кидаютъ въ жесткій трюмъ—
И пароходъ и веселъ и угрюмъ.

XXII.

А соловьи поютъ о Гончаровѣ,
О Марфинькѣ, Обломовѣ Ильѣ...
Болтается фонарь въ амбарѣ. Наготовѣ
Пукъ накладныхъ бѣлѣетъ на ларѣ.
Лѣниво бродятъ крючники, уходятъ
Въ мучнистый мракъ просторной кладовой
И споры безконечные заводятъ
И песью ножку тянутъ чередой.
Ушелъ приказчикъ, капитанъ, матросы...
Зѣваетъ кто-то. Задаетъ вопросы
Кому-то кто-то: „Скоро отойдутъ?“
А соловьи поютъ, поютъ, поютъ.

XXIII.

Шумятъ колеса. Отвалили. Тьма. Лишь точкой
Мерцаетъ бакенъ. Только на кормѣ
Горитъ огонь. Тамъ на диванчикъ жесткій
Петръ съ Кадей сѣли. Въ мягкой ровной тьмѣ
Клокочетъ, вьется свѣтлой пѣны гребень.
Съ фонариками на шестахъ плоты
Лѣниво тянутся, на нихъ пахучій щебень
И вѣтки жгутъ кострами. Сквозь костры
Краснѣютъ сплавщиковъ насупленныя лица.
И встрѣчный пароходъ, какъ дивня жаръ-птица,
Какъ пламенный многоголовый змѣй,
Бьетъ воду крыльями, сгорая отъ огней.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Вторую ночь не спали Петръ и Кадя.
Задумчиво и тихо на носу,
Въ ночную темь спокойной Волги глядя,
Вдыхали теплый вѣтеръ и росу,
Отъ черныхъ волнъ взлетавшую вуалемъ...
Украдкой поцѣлуются, сожмутъ,
Нашаривъ, руки... Нѣжнымъ ихъ печалямъ,
Одной любовью сотканнымъ, несутъ
Ночныя волны нѣжные отвѣты
И складываютъ въ хрупкіе сонеты
Ритмичный плескъ и шелковистый шумъ
Своихъ ночныхъ, любви понятныхъ, думъ.

II.

Когда-то на сквернѣйшемъ пароходѣ,
Носившемъ странное названье „Телескопъ",
Петръ плылъ весной, въ апрѣлѣ, въ половодье,
Въ свое имѣнье. Старовѣрскій попъ,
Саратовскій мартышка и конвойный,
Страдавшій солитеромъ офицеръ
Дѣлили съ нимъ тоску. А день былъ знойный,
И мучилъ офицера солитеръ.
Тянулъ три баржи пароходъ, безцѣльно
Стоялъ у селъ, бранился канительно
Съ нахальнымъ лоцманомъ осипшій капитанъ,
А по ночамъ ихъ донималъ туманъ.

III.

Въ Усинскомъ устьѣ наконецъ засѣли
Зачѣмъ-то на мель. Нанялъ рыбака
Петръ въ Ставрополь. И на зарѣ, сквозь трели
Невидныхъ жавронковъ, такъ нѣжила рѣка,
Такъ яркимъ блескомъ солнцу улыбалась.
И сонный деревушка-городокъ,
Мигая окнами, былъ удивленъ, казалось,
Что вотъ опять румянится востокъ;
И гдѣ-то въ доску сонно били время,
И дикихъ псовъ рачительное племя
Свирѣпымъ лаемъ встрѣтило Петра
У грязнаго почтоваго двора.

IV.

Онъ былъ здѣсь первый разъ, глядѣлъ безстрастно
На мачтовыя сосны пустырей,
И на крылечкѣ, скучно и напрасно
Зѣвая, ждалъ въ Самару лошадей.
Какой-то казачекъ съ нахальнымъ носомъ
И головой промокшей отъ помадъ,
Съ засунутымъ за кушачекъ подносомъ,
Принесъ ему записку: „Буду радъ
Вамъ оказать свое гостепріимство.
Васъ уважающій, съ надеждой на взаимство,
Помѣщикъ Титъ Семенычъ Петровыхъ.
Проводитъ васъ вручитель строчекъ сихъ“.

V.

Подумалъ Петръ, вздохнулъ и согласился.
У Тита встрѣтилъ цѣлый взводъ дѣвицъ.
Поспалъ, переодѣлся и побрился,
И вышелъ къ чаю. Кучу небылицъ
Наразсказалъ дѣвицамъ, выпилъ съ Титомъ
Домашняго ликера „Всѣхъ страстей“,
Игралъ въ крикетъ... Влюбленнымъ былъ и сытымъ,
И женихомъ одной изъ дочерей
Сталъ къ вечеру, когда катались въ лодкѣ,
Когда, развязенъ отъ „страстей“ и водки
Шашлыкъ папаша жарилъ на кострѣ,
Свирѣпо клокотавшемъ на кормѣ.

VI.

И Петръ теперь, взволнованъ позабытымъ,
Ждалъ утра, Жигулей, кургана и Усы,
Водилъ по пальцамъ подбородкомъ бритымъ,
Оттягивая темные усы,
И говорилъ: „Я здѣсь вѣдь былъ когда-то...
„Тамъ хорошо—тамъ сосны и песокъ,
И запахъ смолъ, и мѣрные раскаты
Шумящихъ кронъ, и ландыши у ногъ“.
А вѣтеръ студенѣлъ передъ восходомъ
И мутная вода казалась іодомъ;
Просвѣчивали плоскіе холмы,
И свертывались на день сторы тьмы.

VII.

Привѣтъ вамъ вновь, Уса, курганъ, утесы!
Вы тамъ, за островомъ, къ вамъ пароходъ нейдетъ—
Онъ рѣжетъ воложкой грядущіе покосы
И кучку сосенъ скоро обогнетъ
И встанетъ Ставрополь за плѣшкою песчаной,
Убогій и невзрачный, какъ всегда,
Съ соборомъ, съ каланчею деревянной...
Надъ пристанью—базаръ и номера.
Приказчикъ съ красной узко-глазой рожей
И носикомъ горошинкой, похожій
И на разбойника и на купца...
И булки въ поларшина изъ лотка.

VIII.

Извозчики съ гитарами—пролетокъ
Еще лѣтъ сто имъ здѣсь не завести;
Полдюжины въ завѣтныхъ шаляхъ тетокъ,
Штукъ пять свиней: однѣ пришли плести
Таинственныя сплетни, а другія
Жрать дрянь и грязь. У номеровъ, въ тѣни
Крылечка, сонно вяжутъ вѣдьмы злыя
Невѣроятно толстые чулки,
На проѣзжающихъ посматривая злобно...
И воздухъ пахнетъ истово и сдобно,
И, пóходя въ бадьѣ болтая квачъ,
Жуетъ мордвинъ свой губчатый калачъ.

IX.

Въ бревенчатой, смолистой, свѣтлой дачкѣ
Съ того же утра зажили они.
Сейчасъ же водовозъ, молочница и прачка,
И изъ кухмистерскихъ двѣ дѣвочки пришли.
Молочница рѣшила, что ей надо
Похлопотать насчетъ кухарки имъ;
Былъ водовозъ совсѣмъ иного взгляда—
Кухарки—шлюндры, лучше жить однимъ
И столоваться... „Дѣло ясное! Восейко
Кухаркою обкрадена еврейка,
А въ третьемъ годѣ у ташкентскихъ вдовъ
Кухаркинъ братъ стащилъ двухъ пѣтуховъ!“

X.

Ушли, но цѣлый день у оконъ раздавалось
„Хозявушки, не надо ли яицъ?“
—Прислуга, баринъ, къ вамъ не нанималась?—
„Позвольте, барышня, немножко спицъ!“
И такъ до вечера, когда бродить по рощѣ
Они ушли и долго на валу
Сидѣли. Тамъ былъ смутно слышенъ тощій
Стукъ колотушекъ, да гудѣлъ вверху
Спокойныхъ сосенъ разговоръ вечерній,
И бой часовъ былъ въ сумеркахъ размѣрнѣй,
И, вмѣсто пѣсенъ, птичій сонный крикъ
Сталъ маленькимъ заботливымъ „чиликъ...“

XI.

Имъ нравилась ихъ маленькая дачка.
Два пса, котенокъ, Вася—воробей,
Скакавшій въ ожиданіи подачки
Черезъ порогъ отворенныхъ дверей—
Дѣлили съ ними день и ихъ любили
За то, что безтолково, какъ они,
Межъ соснами, на солнцѣ грѣясь, жили,
Не замѣчая, какъ смѣнялись дни.
Мести метлой немногія соринки,
Въ иглистомъ настѣ разметать тропинки
И шишки собирать на самоваръ,
Вдыхая сосенъ смоляной угаръ.

XII.

Ходить на Воложку купаться, ждать обѣда
И почтальона, вечеромъ гулять,
Минуя, въ свойкларнетъ влюбленнаго, сосѣда,
И глушь казенника на ширь луговъ мѣнять.
А къ ночи съ лампою усѣсться на террасѣ,
Жевать калачъ, глотая молоко,
И передъ сномъ насыпать крошекъ Васѣ...
Спать мертвымъ сномъ и встать, когда свѣтло
Отъ струекъ солнца, пролитыхъ сквозь щели
Закрытыхъ ставень. Вотъ ихъ день. Шумѣли
Имъ дружелюбно сосны, и песокъ
Довѣрчиво лежалъ у ихнихъ ногъ.

XIII.

Въ курзалѣ музыка по вечерамъ играла,
Тѣснились дачники, стучали каблуки,
Шуршали юбки. Молодежь плясала.
На нихъ съ диванчиковъ смотрѣли старики,
Старухи, дѣти. Весело влюблялись
И весело умѣли ревновать.
Фонарики на гвоздикахъ смѣялись,
И ночь старалась ласковѣй дышать.
„Тоской по родинѣ“ кончались танцы
И гасли въ залѣ лампы и румянцы,
Шумѣла роща молодой толпой
И отъ зари былъ лѣсъ уже сѣдой.

XIV.

Петръ съ Кадей на зарѣ встрѣчались съ ними
И шли сквозь нихъ навстрѣчу солнцу. Тамъ—
Въ курзалѣ—привидѣньями ночными
Еще бродили стражники, къ кустамъ
Отъ свѣта льнули, заплываясь мглою;
Еще стучалъ глухой билльярдный шаръ;
Скандалили въ буфетѣ съ перепою,
И съ кумысомъ влеклись одры татаръ...
А въ Жигуляхъ уже костры дымились;
Пески холмовъ искрились и струились
Въ дрожащемъ воздухѣ, и ночь, по-надъ пескомъ
Скользя, влеклась сиреневымъ крыломъ.

XV.

На кладбищѣ, уютномъ и веселомъ,
Они стихи читали по крестамъ,
Приглядываясь къ бабочкамъ и къ пчеламъ,
Къ простымъ и незатѣйливымъ цвѣтамъ.
Оттуда были видны Волга, мели,
Изгибы косъ и кружево луговъ,
И были ярче жаворонковъ трели,
И пароходовъ свѣтлый, нѣжный зовъ.
И даже сосны были тамъ другими—
Такими мирными и всеблагими...
И начинала Кадя: „Сладко жить“...
И Петръ кончалъ: „и Божій міръ любить!“

XVI.

Передъ отъѣздомъ Волгу переплыли.
На гальками покрытомъ берегу
Между шиповникомъ и вишнями бродили;
По тропкѣ, въ заколдованномъ кругу,
Взбирались долго по отвѣснымъ скаламъ,
Гдѣ вдохновенные весенніе ручьи
Прорыли путь стремглавъ по вѣтроваламъ,
Оставивъ лѣту рытвины пути.
Въ густомъ орѣшникѣ таилось дно оврага—
Къ нему сбѣгала пестрая ватага
Горбатыхъ сосенъ, вязовъ и березъ,
Съ кустами дикихъ нелюдимыхъ розъ.

XVII.

Съ полянки Молодецкаго Кургана
Симбирскъ когда-то кто-то разглядѣлъ...
Былъ, говорятъ, здѣсь тронъ великаго Степана,
И много свершено кровавыхъ дѣлъ...
Какой-то добрый молодецъ отсюда
Съ возлюбленною ринулся своей...
Петръ съ Кадей видѣли иное чудо:
Просторъ необозримый косъ, мелей,
Озеръ и воложекъ, и острововъ, и лѣса...
Свершалась въ небѣ солнечная месса,
И сталь воды и жемчуга земли
Свой хороводъ молитвенный вели.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

За Чатырдагомъ, въ маленькой Алуштѣ,
На берегу, тамъ, гдѣ Кастель-гора,
Гдѣ виноградники раскидистѣй и гуще,
Гдѣ скалы свѣсились, какъ сказочныя бра,
Гдѣ много бухтъ, и голосъ моря ниже,
Гдѣ сердоликами поблескиваетъ пляжъ,
Гдѣ густо пахнетъ водорослью рыжей,
Гдѣ съ двухъ сторонъ, какъ стражу видный стражъ
Стоятъ обвѣтренные старые утесы,
Гдѣ сходятъ съ горъ ступенями откосы—
У маленькой привѣтливой вдовы
Уютный домикъ сняли у скалы.

II.

Терраска затянулась виноградомъ,
И въ комнаткѣ былъ тихій полумракъ,
И въ тѣснотѣ кровати встали рядомъ,
И свѣшивался съ потолка табакъ;
Но все же было мѣсто для камина,
Для умывальника, двухъ стульевъ и стола,
И даже ширмочка изъ свѣтлаго сатина
Къ стѣнѣ крючкомъ прицѣплена была;
Для книгъ и для бѣлья стояла этажерка,
И бѣлая двустворчатая дверка
Въ стѣнѣ скрывала емкій свѣтлый шкафъ,
Пропахшій отъ букетовъ горныхъ травъ.

III.

Весь день на узкихъ грядкахъ винограда
Копалась въ три погибели вдова.
Устанетъ—сядетъ, куритъ и такъ рада
Осеннимъ днямъ, какъ будто здѣсь дня два
Живетъ, а не безчисленные годы,
И съ новою прекрасной новизной
Ей улыбались солнце, горы, воды
И небо съ знойно-синей глубиной.
Въ жакеткѣ старенькой, затертой и пятнистой,
Въ короткомъ фартукѣ (и онъ ужъ былъ нечистый)
И съ головой, замотанной въ фуляръ,
Идетъ съ зарей къ цистернѣ у чинаръ.

IV.

До кофея за утренней поливкой,
Потомъ вздохнетъ съ газетой у стола
И кофе пьетъ, и мирно топитъ сливки
Въ горшечкѣ глиняномъ. Она одна жила,
Хоть и держала глупую старуху,
Съ которою не знала, какъ ей быть.
Варила ей обѣдъ, а та, жуя краюху,
Не ѣла ничего, предпочитая лить
Обѣдъ въ помойку, цѣлый день брюзжала,
Что голодна, что ни за что бъ не стала
Жить у нея, узнавши напередъ,
Что голодно, и дѣла полонъ ротъ.

V.

Елизавета Провна полюбила
Петра и Кадю, часто вечеркомъ,
Сверкая папироской, приходила
Поговорить сквозь мглу о прожитомъ.
И послѣ дня горячаго, прогулокъ
Въ горахъ и по морю, былъ тихъ вечерній часъ,
Какъ города безвѣстный закоулокъ
Тамъ на окраинѣ, гдѣ дремлютъ накренясь
Особняки, гдѣ не спѣшитъ прохожій,
Гдѣ даже благовѣстъ изъ церковки, похожей
На музыкальные часы, такъ отдаленъ,
Что кажется—онъ мглой переломленъ.

VI.

Какъ много музыки въ твоихъ ударахъ, море,
И напряженнаго вниманія у скалъ!
И если только ты́ сверкаешь въ кругозорѣ
Да тяжкихъ горъ таинственный развалъ
И нѣтъ къ людской душѣ тебѣ преграды—
Какъ возмутишь ея ничтожный строй,
Какія бросишь гулкія громады,
Черезъ нее плеснувъ своей волной!
И свитки звѣздъ да ты, голубоокій,
Вы мнѣ давали тайные уроки,
И вслѣдъ за мою вторила волна
Начертанныя Богомъ письмена.

VII.

Я съ вами понялъ, горы, звѣзды, море,
Премудрость хаоса и стройный міръ его,
И я служу причетникомъ въ притворѣ,
И іерей въ притворѣ—Божество.
И ладонъ—жизнь—струится по притвору;
И скорбно-радостный творитъ молитву міръ,
У царскихъ вратъ отодвигая стору,
Встрѣчая чашу и потиръ.
Изъ тяжкихъ мукъ растетъ фіалка счастья,
Изъ наручней сплавляются запястья,
И божески спокоенъ только тотъ,
Кто въ жуткихъ пыткахъ кровью изойдетъ.

VIII.

Тамъ, въ городѣ, подъ Генуэзской башней,
Въ кофейнѣ на балкончикѣ они,
Еще полны прогулкою вчерашней
На Чатырдагъ, смотрѣли на огни,
Затрепыхавшіе въ лазури потускнѣвшей
По набережной, жесткою водой
Захлебывая кофе не осѣвшій
И приторный своею густотой.
Изъ булочныхъ ужъ пахло новымъ тѣстомъ,
Уже цесарки сѣли по насѣстамъ,
И буйволъ медленный скрипучую арбу
Свирѣпо везъ, вздыхая на ходу.

IX.

„Ты помнишь сосны?“ говорила Кадя.
„Онѣ здѣсь черствыя, надменныя, а тамъ
Такія тихія и ласковыя! Гладя
Ихъ теплый стволъ по легкимъ чешуямъ,
Я слышала, какъ будто трепетало
Въ нихъ сердце доброе, какъ будто кровь—смола —
По жиламъ ихъ стремительно бѣжала,
Какъ будто фея тихо въ нихъ жила,
Насъ берегла, любила и жалѣла
И только говорить зачѣмъ-то не умѣла...
Вернемся къ ней, мнѣ было съ ней легко,
А здѣсь такъ непривѣтливо-чужо!

X.

„Вернемся къ ней и расколотимъ дачку
И на пескѣ поставимъ самоваръ...
Найдемъ и черную и рыжую собачку
И побѣжимъ съ зарею на базаръ,
Тамъ купимъ Васѣ много разныхъ крупокъ...
Мнѣ къ именинамъ ты закажешь тортъ
И пальцы перерѣжешь отъ покупокъ,
И снова отъ телячьихъ глупыхъ мордъ
Я буду въ ужасѣ бѣжать песками
И упаду въ талочкѣ за плетнями
И покажу телятамъ длинный носъ...
Мнѣ хочется туда, назадъ—до слезъ!

XI.

„Пусть здѣшній домикъ, Лизавета Провна
И хороши и милы, что мнѣ въ томъ?
Пусть все идетъ такъ мягко и такъ ровно,
Но здѣсь тоска какая-то кругомъ!
Вотъ ты сидишь по цѣлымъ днямъ надъ моремъ
И радъ прибою, солнцу и камнямъ...
Мы тамъ не спорили, а здѣсь мы споримъ;
Тамъ я спала, здѣсь мучусь по ночамъ.
Все, кажется, выслѣживаетъ кто-то,
И все томитъ какая-то забота,
Какъ будто горе близится на насъ,
И огонекъ, зажженный намъ, погасъ“.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

У Сумъ они свернули на проселокъ
Въ невыразимую, по оси, грязь,
И путь ихъ былъ томителенъ и дологъ...
Посвистывалъ ямщикъ не торопясь.
У темной одичалой деревушки,
Гдѣ хатки отъ дождя попрятались въ сады,
Подъ скрипокъ визгъ и выкрики частушки
У кабака, подтыкавъ отъ бѣды
Подолы, грязь мѣсили двѣ хохлушки,
И между ними тыкались старушки
И угощали водкой, и хохолъ,
Задравши шапку, гоголемъ пошелъ.

II.

Увидѣли Петра и Кадю, кто-то цыкнулъ,
Перескочилъ канаву, и за нимъ
Еще, еще... „Годи“, кабатчикъ крикнулъ.
Пришлось имъ откупаться. Дѣдъ Юфимъ
Схватилъ монеты, ловко ихъ подбросилъ,
Поймалъ и побѣжалъ назадъ, въ кабакъ...
А вѣтеръ, сбивъ платки, старухъ простоволосилъ
И уносилъ изъ трубочекъ табакъ.
Жиды опять ударили смычками,
И, грязь вокругъ раскинувъ сапогами,
Притопнулъ, вскинулъ плечи и пошелъ,
Задравши шапку, гоголемъ хохолъ.

III.

На хуторѣ была когда-то Кадя
Ребенкомъ съ бабушкой. Тогда еще тамъ жилъ
Братъ бабушки. Онъ назывался—дядя
Иванъ Иванычъ. Гдѣ-то онъ служилъ,
Носилъ какую-то невѣдомую форму.
Былъ очень старъ, неряшливъ, лысъ и глухъ,
Стоналъ, что лошадямъ идетъ такъ много корму
И что не спитъ онъ по ночамъ отъ мухъ.
Варилъ какія-то превкусныя конфеты,
Записывалъ въ тетрадочку секреты
О томъ, какъ плѣшь въ недѣлю заростить,
Какъ куръ щипать и пятна выводить.

IV.

О немъ легенда темная ходила,
Что онъ не дѣдушка, а бабушка. Теперь
Никто здѣсь не жилъ. Тетя схоронила
Иванъ Иваныча. Заколотила дверь
Въ семейномъ склепѣ. Перезаложила
Все, что могла, уѣхала въ Парижъ
И хуторъ съ той поры не навѣстила.
Здѣсь царствовалъ безсмертный Прохоръ Чижъ,
Который былъ еще дворовымъ дѣда.
Онъ былъ прославленъ выгонкой послѣда,
Похоронилъ трехъ женъ и всѣхъ дѣтей
И, какъ упырь, окрѣпъ онъ отъ смертей.

V.

Былъ очень радъ гостямъ, ловилъ ихъ руки
И цѣловалъ по-старому въ плечо.
„Ишь стосковались и по нашей скукѣ,
А мы ужъ и не думали. Да что̀—
Вчера собаки къ ночи гомонили;
Дай, думаю, пойду-ка я взгляну,
Не воры ли. Какъ вышелъ, облѣпили,
Ласкаются. Смотрю, а по окну
Во флигелѣ какъ будто что мелькнуло,
Вошелъ—нѣтъ никого. Должно быть, обманула
Луна. А сердце не обманетъ, нѣтъ!
За все, про все подастъ тебѣ примѣтъ“.

VI.

Немного гнилью, клейстеромъ и глиной
Пропахли комнаты. Промерзшій керосинъ
Чадилъ изъ лампочки. Провисшей паутиной
Былъ затканъ круглый низенькій каминъ.
Чижъ изъ людской принесъ варенья въ кружкѣ,
Поставилъ толстый старый самоваръ,
Досталъ въ комодѣ пухлыя подушки,
Принесъ для Кади дядюшкинъ „Базаръ“
И указалъ, что стоили прочтенья
Мадамъ Режанъ смѣшныя „Похожденья“,
Но были „Похожденія“—увы—
Всѣ деревяннымъ масломъ залиты.

VII.

Чай сѣли пить втроемъ, хоть Чижъ старался
Отъ чая благовидно увильнуть,
И послѣ двухъ стакановъ отказался...
Разсказывалъ, какъ довелось тонуть
Съ Петръ Николаичемъ на Пасхѣ, по дорогѣ
Къ заутрени, какъ вынесли едва
Изъ полыньи ихъ кони, и какъ ноги
Съ тѣхъ поръ болѣютъ у него, Чижа...
Разсказывалъ, какъ умеръ дѣдъ, какъ дядя...
И слушала примолкнувшая Кадя,
И жутокъ былъ ей старый, хмурый домъ,
И ночь, и дождь, шумѣвшій подъ окномъ.

VIII.

Убрался Чижъ, задуты свѣчи, сторы
Мутнѣютъ, звякаютъ старинные часы,
И шепчутъ за стѣной таинственные воры...
Скрежещутъ ставни, грохаютъ болты...
И въ полуснѣ въ испугѣ шепчетъ: „Петя!“
И нѣтъ Петра... Мелькнулъ изъ залы свѣтъ,
И чья-то тѣнь заколебалась въ свѣтѣ,
И незнакомъ чуть слышный скрипъ штиблетъ...
Идутъ сюда, нечаянно шандаломъ
Ударили въ дверную ручку,—заломъ
И ужасомъ пахнуло въ дверь, а въ ней
Петръ, сказочный и смутный отъ тѣней.

IX.

Едва сказать успѣла: „Петя, что ты?“
Какъ кто-то гулко постучался въ дверь
И стариковски харкалъ отъ мокроты...
„Должно быть, Чижъ...“ подумалъ Петръ. „Теперь
Начнутся снова скучные разсказы
Про тетенекъ...“ И крикнулъ: „Кто такой?
Чижъ? Ты?“ И чутко задрожали вазы
На этажеркѣ отъ шаговъ. Тоской
Вдругъ защемило сердце. „Петя, кто же?
Да говори!“—На Прохора похоже!—
И звякнулъ крюкъ... И стариковскій крикъ
Раздался, и безпомощенъ и дикъ.

X.

„Да что ты, Петръ?“—Да право же не знаю!
Чего-то испугался вдругъ старикъ...
Чижъ, Прохоръ, что ты, я не понимаю?
Чѣмъ страшенъ я?—У старика языкъ
Не слушался. Онъ весь дрожалъ и бредилъ:
„Кышъ, кышъ, разсыпься!.. Боже, борони...“
И вдругъ притихъ и радостно отвѣтилъ
Самъ для себя: „Да это вѣдь они!
А я-то думалъ, баринъ мой, покойникъ...
Ходилъ я доставать вамъ рукомойникъ
Изъ флигеля и въ окнахъ вижу свѣтъ...
Чего не надо ль, думаю... Не пледъ

XI.

„Ужъ ищутъ ли?... Онъ сушится у печки...
Ну и зашелъ, да съ темени ослѣпъ,
Должно быть, я отъ вашей-то отъ свѣчки—
И показались вы мнѣ бариномъ... Вамъ хлѣбъ
Испечь какой прикажете? Скоромный
Или на яйцахъ, чтобы повкуснѣй?“...
Ушелъ, свѣча погасла, снова темный
Угрюмый домъ сталъ страшенъ отъ тѣней...
Ночь напролетъ не засыпала Кадя—
То ей пригрезится изъ мутной сторы дядя,
То кажется, что въ залѣ за столомъ
Склонился кто-то темный надъ сукномъ.

XII.

На утро снѣгъ уставилъ первопутокъ,
И ледъ скрѣпилъ броней надежной Псёлъ.
Дурачества хотѣлось, смѣха, шутокъ!..
И снѣжной пылью старый садъ зацвѣлъ,
И небо стало ласковымъ и близкимъ,
И прясла ватныя сверкнули жемчугомъ,
И дымъ сталъ тонкимъ, добродушнымъ, низкимъ
И воробьи чирикали кругомъ.
Изъ-подъ навѣса выкатили санки,
Обчистили пометъ, повыкинули склянки
Изъ кузова. И къ низкому крыльцу
Ихъ подалъ Мальчикъ, показавъ рысцу.

XIII.

Передъ отъѣздомъ Петръ пошелъ знакомой
Аллейкой къ склепу. Выгнили скамьи
И липы... Яблони закутаны соломой—
Ихъ раньше не было... Изъ старенькой семьи
Печальныхъ пихтъ одна теперь осталась...
Но также вьются бѣлочьи слѣды,
И зайца треугольники, казалось,
Съ тѣхъ, давнихъ, поръ проложены въ кусты.
Склепъ обвалился, въ ямѣ льдомъ застыла
Съ сухими листьями вода; висятъ стропила
И скоро рухнутъ, и завалитъ все—
И яму и покойниковъ—гнилье.

XIV.

И захотѣлось сѣсть на пнѣ, послушать звуки
Сквозные, четкіе въ морозномъ, крѣпкомъ днѣ,
И въ сердцѣ всколыхнулось много муки,
И было ясно въ немъ, какъ въ водной глубинѣ.
Да, много пѐрежито и забыто много!
Какъ мутной мглой задернутый востокъ,
Какъ въ этой мглѣ безвѣстная дорога—
Отъ чаръ ночныхъ онъ смертно одинокъ,
Но чуетъ утро, радостно взволнованъ,
И знаетъ: путь за мглою уготованъ,
И скоро ночь забудетъ онъ для дня,
И сосны вспыхнутъ золотомъ огня.

XV.

Онъ шелъ для Кади и пришелъ для жизни,
Пришелъ старикъ и юноша вошелъ.
Купель крестинъ поставилъ онъ на тризнѣ,
Какъ ты весной поставишь, старый Псёлъ.
Когда бъ сошлись они—Петръ прежній съ новымъ,
И новый Петръ сказалъ бы старику,
Что міръ его былъ тягостнымъ покровомъ,
Что міръ земли невѣдомъ былъ ему,
Что жилъ не онъ, а чьи-то приказанья,
А самъ онъ только выстрадалъ страданья,
А самъ онъ только тяжко истязалъ
Все, что любилъ, все, что перестрадалъ...

XVI.

Они другъ другу были бъ чужды оба!
Старикъ его бы назвалъ чудакомъ
И усмѣхнулся бъ горестно изъ гроба...
И Петръ вздохнулъ и оглядѣлъ кругомъ
Застывшій паркъ, на свѣтлый храмъ похожій...
Всталъ и, поскрипывая, медленно пошелъ.
И пихты стали въ искоркахъ моложе,
И бѣлый домъ и синеватый Псёлъ,
И старыя чугунныя ворота
Помолодѣли, и въ тѣни, у грота,
Попрыгивали важно снѣгири,
И Чижъ кричалъ на Мальчика: „Шали!“

XVII.

Въ вагонѣ Кадя тонко задремала,
А Петръ глядѣлъ въ окно на даль полей.
И проволока на столбахъ кивала,
И пѣли пѣсенку колеса—то яснѣй,
То глуше. Было душно, пахло дымомъ.
На станціяхъ стучали молоткомъ,
О чемъ-то спорили—о скучномъ, нелюбимомъ—
И пробѣгали съ дымнымъ кипяткомъ.
Хотѣлось въ поле смутное и въ сани
И потонуть въ синѣющемъ туманѣ,
И возжи опустить и привязать,
И, скрипъ полозьевъ слушая, дремать.

XVIII.

Проснулась Кадя, ласково прижалась,
Глаза, моргая, сонно подняла
И улыбнулись губы. „Отлежалась,
А можетъ быть немного поспала,
И стало весело... Ахъ, Петя, Петя!
Ты здѣсь, со мной, и мнѣ ужъ хорошо!
Насъ только двое въ цѣломъ-цѣломъ свѣтѣ
И прежнее давно-давно прошло,
Какъ будто никогда и не было!“ И снова
Оборвалось, ненужнымъ стало слово,
И замолчали радостно-близки
Подъ огонькомъ чужой, скупой свѣчи.

Часть четвертая.

Здѣсь спячкой дышитъ воздухъ
самый,
Лишь полицейскій на посту
Торчитъ унылой эпиграммой...

К. Фофановъ.

Часть четвертая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Былъ городъ выстроенъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ
Какимъ-то маленькимъ, невѣдомымъ князькомъ
Въ унылой балкѣ, гдѣ сходились рѣки,
Гдѣ грузные холмы надвинулись кругомъ...
Фисташковый соборъ да валъ, съ соборомъ вровень,
Да обвалившійся въ кустахъ подземный ходъ,
Да два-три столбика накрененныхъ часовенъ,
Гдѣ были алтари... Вотъ—прошлое! Растетъ
Крапива огородомъ цѣлымъ надъ буграми,
Быть можетъ—надъ могилами... Ветлами
Поросъ отлогій валъ. Тамъ, наверху—на немъ,
Въ рубахѣ красной кто-то спитъ ничкомъ.

II.

Въ валу—гимназія, тюрьма, съѣздъ, клубъ и тощій
Изъ липокъ скверъ. За валомъ—каланча,
Управа, площадь и ряды. Извозчикъ
У чайной лавки. Запахъ калача
Идегтя. Граммофонъ въ пивной изъ оконъ темныхъ
Поетъ куплеты. Важный бѣлый котъ,
Съ кистями на ушахъ, по окнамъ мухъ бездомныхъ
Лѣниво ловитъ. Шарфы продаетъ
Чулки и туфли въ ватной кофтѣ тетка
Подъ куполомъ зонта и нюхаетъ щепоткой
Какой-то рыжій порошокъ изъ пузырька.
Зоветъ хандрящихъ куръ пѣтухъ... Тоска, тоска!

III.

Въ рядахъ иконы надъ проѣздами, съ сіяньемъ
Изъ жести, тяжкія, угрюмыя. Лежатъ
Гроба на сходняхъ... Медленнымъ зѣваньемъ,
Словами рѣдкими живутъ ряды... Дрожатъ
По воздуху на бечевахъ ботинки,
Тужурки, ведра, вата. Запахъ кожъ
И ситца... Сизыя блестятъ на солнцѣ спинки
Урчащихъ голубей... На камнѣ точатъ ножъ
И чѣмъ-то ухаютъ въ распахнутомъ подвалѣ...
Пьютъ чай приказчики на стойкахъ... Застонали
И начали звонить часы издалека...
Хозяинъ вышелъ, сѣлъ, чихнулъ... Тоска, тоска!

IV.

Жеребинъ, Суходаевъ, Короваевъ,
Клятовъ—по нимъ себя узнаетъ городокъ.
Въ нихъ скрыты—пыль и мгла амбаровъ и сараевъ,
Ларей, мучныхъ мѣшковъ, грязь улицъ и острогъ
На площади облупленный и старый,
И низкихъ домиковъ старушечій поклонъ,
И треньканье вечернее гитары,
И подъ лампадкой душный, жаркій сонъ!..
Но въ каждомъ городкѣ есть, какъ насмѣшка злая,
Одна фамилія, въ ней все—тоска тупая,
Безсмысленность и скудость бытія!
Валандинъ—вотъ она, фамилія твоя!

V.

Пять тысячъ жителей, шесть винныхъ лавокъ;
Шинки вездѣ, трактиръ—второй разрядъ;
Заводъ колбасъ, къ которымъ нуженъ навыкъ;
Заводъ литья да кузницъ длинный рядъ.
Но слава города и смыслъ его—баранки!
Нигдѣ рѣшительно такихъ баранокъ нѣтъ—
Онѣ раздѣлены на вкусовые ранги
И ихъ рецептъ таинственный секретъ.
Ѣдятъ ихъ съ пылу съ безконечнымъ чаемъ
И брезгаютъ для нихъ душистымъ караваемъ;
И этотъ чай съ топленымъ молокомъ,
Съ баранками за расписнымъ столомъ,

VI.

Покрытымъ вязаною скатертью, достоенъ
Высокихъ пѣсенъ, какъ Лукулловъ пиръ!
Отъ предводителя до прачекъ съ портомоенъ—
Всѣ преданы ему, на всѣхъ онъ сводитъ миръ
И благоденствіе въ часъ, какъ звонятъ къ вечернѣ...
За нимъ играютъ въ карты, говорятъ
О клубскихъ скандалистахъ, равномѣрнѣй
Вздыхаютъ женщины... Въ углахъ чадя горятъ
Лампады Спасу Обыденному, Николѣ...
Шуршатъ въ обояхъ прусаки... На волѣ
Гогочутъ гуси... Дѣвушки, на столъ
Облокотясь, гадаютъ... День прошелъ.

VII.

Босыми, загорѣлыми ногами
Топочутъ дѣти и ложатся спать
Въ проходахъ, гдѣ укладки съ сундуками,
Гдѣ душно, гдѣ клопы... А подливать
Тяжелый самоваръ не перестала
Глухая бабушка... И ждутъ еще гостей,
И только тише и сонливѣй стало...
На улицѣ, за окнами, шумнѣй.
Гармонія о гибели Варяга
Поетъ... Смѣются... Пьяная ватага
Прошла далеко, тяжко пронесла
И крикъ, и свистъ, и грузныя слова.

VIII.

Петръ съ Кадей наняли двѣ комнатки за десять
Рублей у странной пары. Онъ служилъ
По трезвости—любилъ смѣшить и куралесить
И прописью „рондо“ отчеты выводилъ;
Потѣшный, съ запорожскими усами,
То пьянъ, то просто—веселъ, хохотунъ;
Какъ аистъ, на одной ногѣ часами
Простаивалъ и—маленькій горбунъ—
Пѣлъ аріи „Торреадора“ дикимъ,
Нелѣпымъ голосомъ; любилъ „пустить клубники“;
А по ночалъ, конечно, пропадалъ,
И утромъ, въ пять часовъ, у нихъ бывалъ скандалъ.

IX.

Она—русалка съ водянистыми глазами;
Безкостная какая-то. Какъ тѣнь,
Въ капотѣ ситцевомъ, со сбитыми косами,
Слонялась по дому безцѣльно цѣлый день.
Всѣмъ улыбалась, ничего не замѣчала,
Жевала корки хлѣбныя и лукъ
И тряпки все какія-то совала,
Куда пришлось—въ буфетъ, въ диванъ, въ сундукъ...
А къ вечеру, вся завитая, краской
Замазавъ все лицо, натыкавъ цѣлой связкой
Колецъ на пальцы, выходила на балконъ...
А это въ городкѣ считалось—скверный тонъ.

X.

И были странны въ ихнемъ домѣ дѣти.
Ихъ было двое—мальчики. Одинъ
Въ реальное сдавалъ, но на одномъ предметѣ
Который годъ все рѣзался; причинъ
Тому родители не знали. Онъ считался
Ужъ взрослымъ; какъ папаша, по ночамъ,
Таинственно пропавъ, до пѣтуховъ шатался
И возвращался со скандаломъ, какъ и *самъ*.
Второй все время съ кошками возился
И въ лодкѣ на дворѣ водой прогнившей мылся,
На побѣгушкахъ былъ, на кухнѣ помогалъ
И—къ ночи—, гдѣ-нибудь приткнувшись, засыпалъ.

XI.

Былъ и еще одинъ, да умеръ. Изъ комода
Доставъ его портретъ, когда ужъ былъ въ гробу,
Она такъ ласково разсказывала: „Году
Еще онъ не былъ. На его бѣду
Былъ тифъ у родственниковъ, гдѣ гостили,
И—умеръ... Ландыши любилъ онъ, звалъ „динь-динь“,
Такъ въ ландыши его и положили...
И самъ былъ ландышкомъ, глазками только синь,
А то весь бѣленькій—и тѣльце, и волоски...
Бывало, все таскалъ мои расчески,
Ломалъ ихъ зубья и втыкалъ въ песокъ...
Меня одну любилъ, все путался у ногъ.

XII.

„Вотъ все и жду его. Все вѣрю—будетъ Митя!
Ужъ очень махонькихъ я, грѣшница, люблю.
Вотъ и у васъ сынъ будетъ... Назовите,
Какъ я, Димитріемъ Селунскимъ! Какъ въ раю
Теперь вы, милая... Въ васъ ангелъ Божій!
Вотъ—кабы мнѣ... Замѣтно по лицу,
Что сынъ. Тогда мнѣ говорили тоже.
Какъ сынъ, ужъ больно радостно отцу...
На дочерей такъ и не смотрятъ—диво!
И пол-бѣды, когда еще красива,
А ужъ дурную... Это—молъ - на что?
И замужъ-то не ссунешь ни за что!“

XIII.

Былъ самымъ частымъ гостемъ рыжій Гнусовъ,
Иванъ Иванычъ—желтый, худъ, какъ жердь.
Любилъ кощунствовать, что вѣритъ въ двухъ Исусовъ
И въ то, что враки будто небо—воздухъ; твердь,
Такъ значитъ, твердое. А пьянымъ принимался
Разсказывать изъ библіи, и такъ,
Что уводился на балконъ, чтобъ не заврался,
И чтобъ жильцамъ не слышно было вракъ.
Потомъ онъ многолѣтье пѣлъ октавой
И хвастался, что не достигъ онъ славы
Лишь потому, что архіерей
Былъ не любителемъ такихъ, какъ онъ, жердей.

XIV.

Порѣже приходилъ Семенъ Семенычъ Котовъ.
Онъ былъ пониже ростомъ, поскромнѣй,
Носилъ пенснэ, душился противъ пота
И говорилъ изысканно-нѣжнѣй.
Игралъ на гусляхъ, и игралъ чудесно
Не только танцы, но какія-то свои
Еще фантазіи, и если бы не тѣсно
Сжималъ воротничекъ, пропѣлъ бы онъ двѣ-три
„Мелодіи“, какъ Гнусовъ выражался...
Пить водку онъ простую не рѣшался,
И потому держали для него
Придуманную имъ настойку „Кипроко“.

XV.

Потомъ ходилъ Нилъ Силычъ Малолѣткинъ.
Ужасно важенъ, въ дымчатыхъ очкахъ,
Сосалъ все время съ „бочкою“ конфетки
И издавалъ особый звукъ въ ушахъ.
Съ нимъ вмѣстѣ неизмѣнно былъ Трегубовъ,
Степанъ Ѳомичъ—плѣшивъ, приземистъ, рыжъ,
Любилъ острить хихикая и грубо
Жену звать Танькой или „старый пыжъ“.
Жена была костлява, говорила
Въ носъ, томно ахала и все хвалила,
Звала Степушей мужа и при всѣхъ
Въ карманы прятала то пряникъ, то орѣхъ.

XVI.

Обыкновенно такъ распредѣлялись роли:
Иванъ Иванычъ пѣлъ, игралъ на скрипкѣ *самъ*,
Семенъ Семенычъ бралъ аккорды на „бемолѣ“,
Нилъ Силычъ развлекалъ, жуя конфеты, дамъ.
Семенъ Ѳомичъ выкидывалъ аллюры
По зальцѣ, а когда бывали Мань и Кать—
Веселыя дѣвицы—, сѣвши съ ними,
Онъ начиналъ безумолку болтать
О томъ, что аисты и что дѣвицы носятъ,
О томъ, что съ ними познакомить просятъ,
О модахъ, о вареньи, женихахъ.
И Кать и Мань смѣялись, всѣ въ слезахъ.

XVII.

Ихъ всѣхъ Петръ съ Кадей замѣчали мало,
Хоть часто видѣли, хоть ночью долго спать
Смѣхъ, гусли, грохотъ, крикъ дѣвицъ изъ зала
Мѣшали. Но зато до полдня не вставать
Привыкли въ домѣ; только Петька съ кошкой
Вставали рано ставить самоваръ
И прыгали во дворъ черезъ окошко,
Не въ силахъ снять крюка, и на базаръ
Бѣжали. Да и слишкомъ много было
Всего, что—свѣтлое—еще не тяготило!
Ужъ Кадя мальчикомъ и будущимъ жила
И цѣлый день мечтать о немъ могла.

XVIII.

А новыя тарелки, чашки! Вещи
Дешевыя, базарныя, но все
Свое, сквозь каждое изъ нихъ еще трепещетъ
Воспоминанье близкое. Мытье
Посуды, убиранье комнатъ и постелей
Тянулось долго съ непривычки и еще
Спѣшить внимательныя руки не хотѣли.
Сказать всему поутру: „Ты мое...“
Насыпать, какъ тогда, въ подолъ игрушекъ,
Позвать Петра, дать цѣловать звѣрушекъ,
Японца и индѣйца, и потомъ
Разсказывать про сына шепоткомъ;

XIX.

Съ улыбкою глядѣть, какъ Петръ, приникнувъ, будетъ
Ребенка слушать, спрашивать: „Ну что?“
А ночью вспомнитъ что-нибудь, разбудитъ
И скажетъ: „Милый, не сердись, я все про то!“
Какъ много солнца выдалось въ то лѣто,
Какъ было ласково и радостно тепло,
И въ комнаткахъ такъ было много свѣта
И отъ известки чисто и бѣло.
Гуляли много въ рощѣ, по оврагу,
Къ ручью сходили, тамъ на темную корягу
Садились и купались иногда,
Гдѣ ванной подъ ольхой струясь легла вода.

XX.

И возвращались полемъ, по дорогѣ
Съ глубокими канавками колей,
Гдѣ мягкая трава имъ обвивала ноги.
Половички пушистыхъ зеленей
Тянулись къ зарослямъ, начавшись свѣжимъ знакомъ—
То треугольникомъ, то ромбомъ, то крестомъ—,
Надъ ними ужъ торчалъ репей съ высокимъ макомъ
И валуны дремали древнимъ сномъ.
А въ небѣ, въ блескѣ дня не видные, смѣялись
Захлебываясь жаворонки, взвивались
Навстрѣчу къ нимъ другіе и потомъ
Вдругъ падали нечаяннымъ комкомъ.

XXI.

Шли мимо пригорода съ церковью, въ оградѣ
Широко-кронныхъ липъ, съ высокой, старше липъ,
И темно-синей колокольней. Въ палисадѣ
Краснѣла богадѣльня. Мѣрный скрипъ
Колодца слышенъ былъ оттуда. Попъ и дьяконъ
Въ достаткѣ жили: куры всѣхъ породъ
Бродили стаями, и, лейками заплаканъ,
Разросся у попа цвѣтникъ, какъ огородъ.
Тянулись улицей крестьянскія избушки
Вплоть до лѣсной березовой опушки...
Здѣсь было дачное мѣстечко городка,
Затѣмъ, что въ городѣ и сырость и тоска.

XXII.

„Подлипичи"—мѣстечко называлось.
Оно ушло на холмъ, на гребень мирныхъ волнъ.
Оттуда въ городѣ все плохенькимъ казалось,
И лишь соборъ, изображавшій челнъ—
Челнъ православія—былъ такъ же все прекрасенъ
Какъ будто, правда, былъ заложенъ въ немъ
Красивый замыселъ какой-то. Тихъ и ясенъ
Надъ городомъ былъ только крестъ. Мечемъ
Не битвъ, а одиночества сіялъ онъ,
Серебренный. Что въ свѣтлой выси зналъ онъ?
Что силъ дало ему уйти подъ облака?
Случайность творчества? Случайный взглядъ Петра?

XXIII.

Со всѣхъ сторонъ зеленыхъ волнъ грядами
Былъ городъ окруженъ—закинутый къ рѣкѣ,
Со слишкомъ темными отъ сырости садами,
Съ рогаткой глупою на грязной каланчѣ.
И тамъ—въ провалѣ—люди копошились,
Везли, несли, сбѣгали по крыльцамъ;
Галопомъ стражники на лошадяхъ носились;
Теленка гналъ мальчишка; по концамъ
Острога пара будокъ полосатыхъ
Томилась, въ трепанныхъ шапченкахъ и халатахъ
Мучного цвѣта между кучъ известняку
Возились арестанты на плацу.

XXIV.

Узломъ двухъ рѣкъ былъ запертъ въ балкѣ городъ,
Узлами повседневности глухой
Былъ въ городѣ задушенъ каждый. Воротъ
Вѣсовъ общественныхъ на площади сѣнной
Застылъ какимъ-то знакомъ преисподни
И однокрылой птицею пугалъ
Онъ ночью странника, и именемъ Господнимъ
Напрасно тотъ суровый призракъ гналъ.
По горнамъ кузницъ зажигалъ самъ дьяволъ
Огни зловѣщіе, и въ сизомъ утрѣ плавалъ
Удушливый, промозглый адскій паръ
Съ котловъ подземныхъ, полный страшныхъ чаръ.

XXV.

О, маринадъ! Петра онъ встрѣтилъ снова.—
Изъ грязныхъ чайныхъ съ тухлой колбасой,
Съ яйцомъ каленымъ; изъ оконъ пустого
Заброшеннаго дома, гдѣ доской
Забиты были сорванныя рамы;
Изъ предводительскаго сада, гдѣ въ кустахъ
Горѣлъ стеклянный шаръ, гдѣ тосковали дамы
Съ бумажнымъ вѣеромъ въ провисшихъ гамакахъ;
Изъ новаго трактира, гдѣ стучали
Билльярдные шары, гдѣ изъ оконъ кричали
Извозчику, стоявшему внизу,
Гдѣ докторъ Ивановъ пѣлъ и пускалъ слезу;

XXVI.

Съ терраски домика, гдѣ жилъ исправникъ Гниповъ
И гдѣ внимательно играли въ преферансъ;
Изъ садика, гдѣ исполины-липы
Столѣтнія, гдѣ старенькій пасьянсъ
„Наполеонову могилу“ разложила
Старушка крошечная, гдѣ на вензеля
Цвѣтовъ изъ гидропульта лилъ Данила
Щипящій дождь, гдѣ сонно тополя
Душистою листвою трепетали...
За каждою сторою, какъ часовые встали,
За каждымъ профилемъ, какъ сумрачный двойникъ—
Тавро не-жизни, тлѣна скудный ликъ!

XXVII.

„Могильщики глубокихъ, свѣтлыхъ далей,
Влекущихъ, сладкихъ таинствъ бытія,

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XXVIII.

. . . . . .
. . . . . .

Сизифы алчные, они воздвигли глыбы,
И грохотъ глыбъ ихъ оглушилъ вовѣкъ.
Окровавленные плетьми и батогами,
Довольствуясь захватаннымъ кускомъ,
Они переплелись съ врагами и богами
Уродливымъ раздавленнымъ клубкомъ.
И задыхаются отъ пресыщенья днями,
Окутанными гарью и тѣнями
Ихъ мелкихъ золъ, разсчетовъ и страстей...
И человѣкъ вовѣки рабъ людей.

XXIX.

Нѣтъ божества, и нѣтъ любви у человѣка,
И жизни нѣтъ! Гомункулъ тѣсныхъ колбъ,
Онъ вытравленъ и вылущенъ отъ вѣка,
И какъ святой Семенъ, посаженъ въ столпъ.
Натасканъ лицемѣрью, лицедѣйству
И догматамъ мудрѣйшихъ мудрецовъ—
По шахматной доскѣ онъ движется къ злодѣйству
И высчитанъ порывъ на косточкахъ счетовъ!
Его по правиламъ и женятъ и повѣсятъ,
И жизнь въ опарѣ подъ гербомъ замѣсятъ,
И даже падаль жалкую его
Оформятъ, не забывши ничего!“

XXX.

И Кадя слушала Петра, раскрывъ широко
Испуганные свѣтлые глаза.
„Такой ты добрый, Петръ, а сердце такъ жестоко!
Какъ будто вѣчно въ немъ насуплена гроза...
Со мной ты радъ веснѣ, цвѣтамъ и счастью,
И счастью знать, что мы кого-то ждемъ;
Но кроется во всемъ какое-то безстрастье,
Какая-то мечта, Богъ вѣдаетъ, о чемъ...
И часто для тебя я становлюсь чужою,
И часто кажется, что ты идешь межою,
И если бы на ней случайно встала я,
Разсѣянно бы ты прошелъ черезъ меня.

XXXI.

„Ты не живой тогда, ты только обѣщанье
Такого же, какъ ты, котораго я жду.
Когда ты далеко, такъ тихо ожиданье,
Тогда ты весь живой—хожу, ищу въ саду
Твоихъ слѣдовъ, иду по нимъ, скучаю
И слушаю твои далекіе шаги...
Ты—мой, ты—мой совсѣмъ, когда тебя встрѣчаю,
Но—ты пришелъ, и мы уже далеки.
И только наклонясь къ твоимъ рукамъ, не зная
Лица и глазъ, могу еще, мечтая,
Повѣрить, что ты здѣсь, что рядомъ это—ты...
И рукъ твоихъ я такъ люблю черты!

XXXII.

„Я вѣрю: вотъ придетъ, кого мы ждемъ, вотъ—будетъ
Насъ больше, и тогда, и, можетъ быть, тогда
Мой Петръ полюбитъ насъ совсѣмъ и не забудетъ,
Нѣтъ, не забудетъ больше никогда!
И такъ мнѣ радостно, когда онъ тамъ пихаетъ
Головкой кругленькой... Опять вчера во снѣ
Я видѣла его: ноженками сбиваетъ
Пеленку и разсказываетъ мнѣ
О чемъ-то ручками. Петръ, правда? Онъ со мною?
Онъ весь, какъ ты? Не сказка, нѣтъ? Я стою,
И мнѣ позволитъ Богъ, суровый, страшный Богъ,
Чтобъ мальчикъ у меня родиться могъ?

XXXIII.

„Нѣтъ—ты не слушаешь! Ты сталъ опять далекимъ,
Ты сталъ опять чужимъ!“ И—замолчала. Петръ
Вздохнулъ... Словъ не было, и зналъ, что былъ жестокимъ
Безъ словъ... Передъ правленьемъ дѣлалъ смотръ
Досужій надзиратель подчиненнымъ—
Пихалъ въ животъ ихъ шашкой, разносилъ.
На нихъ глядѣли съ любопытствомъ соннымъ
Прислуга съ ведрами, офиціантъ Кириллъ
Съ манишкой грязной. Набралось мальчишекъ,
Стащили у Кирилла изъ-подъ мышекъ
Салфетку и давай бѣжать, но—въ тотъ же мигъ
Какой-то парень ражій ихъ настигъ.

XXXIV.

Входили черезъ низкую калитку
Во дворъ, заросшій темною травой,
Потомъ къ себѣ... И съ бѣлыхъ стѣнъ открытки
Глядѣли сѣренькой привѣтливой толпой.
И, дверь прикрывъ, тихонько обнимались,
Потомъ садились рядомъ на постель,
И у Петра глаза смущенно улыбались...
Неслышно мальчикъ имъ игралъ на флейтѣ трель—
Онъ былъ на тюлевой прозрачной занавѣскѣ,
Стоялъ на розахъ, былъ одѣтъ по-чешски
И воздухъ воли колыхалъ его,
И солнце на стѣну откинуло всего.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Всю ночь отъ солнца голубѣли сторы,
Всю ночь къ востоку плылъ не гаснувшій закатъ.
Кострами мутными дымились въ балкахъ горы,
И страненъ былъ безъ тучъ глухихъ громовъ раскатъ.
Болтами тяжкими, огромными замками
Угрюмо были заперты ряды,
И длинной цѣпью, спутанной комками,
По сходнямъ дико грохотали псы.
Стучали сторожа, неспѣшными шагами
Ходили по мосткамъ и путались ногами
Въ подолахъ, на плечи надѣтыхъ, армяковъ...
Соборъ и каланча свѣряли звонъ часовъ.

II.

И розовое утро наступило
Невѣдомо когда, какъ-будто ночь была
Лишь въ томъ, что часъ и два курантами пробило,
Лишь въ томъ, что площадь мѣловая мгла,
Темнѣя подъ навѣсами, застлала,
Лишь въ томъ, что рамы были заперты,
И блѣдная въ часовенкѣ мигала
Лампадка, да ольховые кусты
Подъ валомъ шумно ворошили птицы—
Безсонныя, большія,—да въ бойницѣ
Монастыря за рощей разъ и два
Уныло крикнула и смолкнула сова.

III.

Петра тревожно Кадя разбудила.
Стояли сумерки отъ ставенъ, и она,
Дрожащая и смутная, бродила
И вдругъ стеная сжалась у окна...
„Ахъ, я не знаю, что со мной... Не знаю!
Какой-то ужасъ, Петръ!“ И заметалась вновь,
Вскочившаго Петра схватила увлекая...
„Держи, держи меня!“ И стонъ и шопотъ, въ кровь
Искусанныя губы, подъ глазами
Коричневыя пятна, за зрачками
Безпомощность и ужасъ, и зрачки
Отъ напряженія незряче-широки.

IV.

И Петръ себѣ опять казался привидѣньемъ,
И было привидѣньемъ все вокругъ—
И столъ со скатертью, и баночка съ вареньемъ,
И смятая постель, въ которой былъ испугъ.
Онъ бросился за докторомъ, не зная,
Куда ступаетъ, точно шелъ легко
По бѣлой отъ росы травѣ, не обминая,
Какъ будто до земли такъ было далеко.
Открылъ ворота—скрипъ ихъ не былъ скрипомъ,
И тамъ, на улицѣ, такъ нѣжны были липы,
Что только по привычкѣ, думалъ онъ,
Обходитъ ихъ стволовъ прозрачный сонъ.

V.

И тамъ—въ прокуренной и полутемной спальной—
Лѣниво сѣвшій на кровать старикъ,
Казалось, былъ придуманный и дальній,
Хоть онъ зѣвалъ, зачѣмъ-то ногти стригъ,
И, глазками прищуренными глядя,
Вдругъ засмѣялся кашлявшимъ смѣшкомъ:
„Вотъ—человѣкъ! Будитъ чего-то ради!..
Здѣсь вещь житейская—везти въ родильный домъ!
Да поскорѣй, а то все будетъ дома,
Пріятнаго не много... Что вы грома
Не слышали? Нѣтъ? Значитъ—ерунда,
А я ужъ думалъ, что опять гроза!“

VI.

Оранжевымъ виномъ былъ залитъ городъ, стекла
Малиновой затеплились слюдой...
Крыло пролетки отъ росы намокло,
И ободъ колеса былъ ярокъ... И водой
Пропитанъ былъ прозрачный, свѣжій воздухъ.
Коровы по дворамъ мычали. Пѣлъ пѣтухъ,
И ворошились галки въ черныхъ гнѣздахъ.
Дрожалъ по воздуху на солнцѣ столбикъ мухъ.
Съ осунутымъ лицомъ, съ усталыми глазами,
Въ которыхъ мука заплелась мечтами,
Спѣшила Кадя между схватками сказать,
Какъ рада, что такъ скоро будетъ мать.

VII.

Полъ, только вымытый, блестѣлъ; блестѣли стѣны,
Блестѣли бѣлыя носилки; на крыльцѣ
Половичекъ валялся. Клочья сѣна
Валялись у прясла. Звенѣло въ колесѣ
У круглой вытяжки на рамѣ. Няня
Ушла куда-то съ Кадей и потомъ
Вдругъ вынесла, скатавъ жгутомъ, какъ въ банѣ,
Одежду Кади, щелкнула замкомъ
И за стеклянной дверью щеткой снова
Затыкала по потолку сурово...
А Петръ, не двигаясь надъ сѣренькимъ крыльцомъ,
Стоялъ одинъ съ унылымъ узелкомъ.

VIII.

Какъ было странно разбираться дома
Въ ея вещахъ, какъ будто умерла,
Какъ будто бросила... Вокругъ все такъ знакомо,
Все такъ попрежнему: открытки, зеркала
И эти маленькія бѣдныя фигурки.
И время страшно много! Петька всталъ
И по двору слонялся, котикъ Мурка
За нимъ, отряхивая лапочки, шагалъ.
Легъ на кровать, увидѣлъ на корзинѣ
Матрасикъ маленькій, задумался о сынѣ,
Всталъ, положилъ матрасикъ на кровать
И неумѣло сталъ его стегать.

IX.

И вспомнилъ прошлое, когда родился Миша,
Ея отецъ. Онъ—дѣдъ—сидѣлъ одинъ
На антресоляхъ, раздраженно слышалъ
Возню внизу. Какой-то господинъ,
Должно быть, докторъ влѣзъ къ нему, „Verzeihen“
Пробормоталъ и поскорѣй исчезъ...
Петръ стукнулъ казачка. Къ крыльцу былъ поданъ Каинъ,
И онъ уже въ сѣдло угрюмо влѣзъ,
Когда вдругъ ключница, прозваньемъ Балаболка,
Лицомъ осклабленнымъ въ двери открыла щелку
И закричала: „Барынѣ сейчасъ
Богъ сына далъ—весьма похожъ на Васъ“.

X.

И вспомнилъ, какъ пріѣхалъ изъ Замостья
Съ двумя лосями на подводѣ, пьянъ
И веселъ... Перепробовалъ всѣ кости
Сосѣду Зоркину, загнавъ его въ капканъ
За то, что въ лѣсъ къ нему попалъ нечайно,
Травя волковъ. Привезъ его домой,
Успѣвши помириться. Чрезвычайно
Былъ удивленъ, что въ домѣ маленькій. Хромой
Семенычъ посланъ былъ за баснословнымъ
Виномъ, прапрадѣда, хранившимся въ церковномъ
Подвалѣ. Петръ младенца разбудилъ
И въ ротъ ему вина собственноручно влилъ.

XI.

День знойный выдался, безоблачный и тяжкій,
Какъ будто выкованъ былъ блѣдный небосводъ
Изъ раскаленной стали. Медомъ кашки,
Какъ мѣдью, пахнулъ воздухъ. Жаркій ротъ
Раскрыли галки. Пѣтухи зловѣще
Пророчили далекую грозу,
И чуялось—невидимая блещетъ
И роетъ молнія кривую борозду,
И туча крыльями касается далекихъ
Холмовъ и ждетъ неотвратимыхъ и жестокихъ
Порывовъ вѣтра, и недаромъ рожь
На полѣ городскомъ уже тревожитъ дрожь.

XII.

Петръ подходилъ къ больницѣ и, казалось,
Какъ будто былъ не нынче утромъ, а давно
Когда-то здѣсь. У пряселъ дожидалась
Телѣгъ унылыхъ биржа, и темно
Разсказывалъ худой старикъ въ тулупѣ
Болѣзнь невѣстки: „Бѣсъ въ нее вошелъ...“
Сидѣли на дровахъ, обмахивали крупы
У лошадей отъ оводовъ. Дымокъ обвелъ
Ихъ отъ собачьихъ ножекъ флеромъ мирнымъ.
И по травѣ, общипанной и жирной,
Подъ чахлые ольховые кусты
Ушли широкіе тяжелые слѣды.

XIII.

Петръ сѣлъ на низкія, знакомыя ступени.
Изъ форточекъ завѣшенныхъ оконъ
Срывался стонъ безумный отъ мученій,
Нечеловѣческій, звѣриный, страшный стонъ.
И было слышно—были сжаты зубы,
Казалось, былъ послѣднимъ каждый крикъ,
И искривясь сейчасъ застынутъ губы,—
Такъ ужасъ былъ въ страданіи великъ.
И такъ странна была спокойнаго кого-то
Чуть уловимая, не спѣшная забота
Тамъ, въ этой комнатѣ, за рамою слѣпой,
И этотъ кто-то былъ самой судьбой.

XIV.

Страшна была рука, зашевеливши стору
И зазвенѣвъ флакономъ о флаконъ...
И вдругъ—молчанье, только скоро-скоро
Вертятся съ лязгомъ вытяжки оконъ.
Молчанье долгое, какъ будто всѣ далеко
Ушли, а кто кричалъ, тотъ умеръ, тотъ забытъ...
И кажется—такъ нужно, хоть жестоко,
Что въ этомъ смыслъ великой тайны скрытъ.
Какъ будто тамъ произошло впервые
Рожденье человѣка, и простые,
Привычные пріемы и слова
Вдругъ потеряли и значенье и права.

XV.

И кто-то зашепталъ: „Какъ больно, больно...“
Петръ голосъ Кади въ шопотѣ узналъ,
И этихъ словъ казалось такъ довольно!
И Петръ въ отвѣтъ безсильно застоналъ...
Онъ все забылъ, онъ слышалъ только крики...
Когда ихъ не было, онъ напряженно ждалъ...
И снова—вотъ они, мучительны и дики!
И онъ сжималъ виски и поникалъ.
Жгло солнце слабыя, застывшія колѣни,
И въ медленныхъ часахъ передвигались тѣни,
И не замѣтилъ Петръ, какъ кто-то прибѣжалъ,
И блокъ дверей на петляхъ завизжалъ.

XVI.

И только послѣ вспомнилъ, смутно понялъ,
Что это докторъ былъ, и что, споткнувшись, онъ
Схватился за его плечо и затрезвонилъ,
И няньку выругалъ... Онъ слышалъ только стонъ,
Ужасный стонъ. Болѣло въ поясницѣ,
Кололо грудь, туманило глаза,
И было, точно вѣчно у больницы,
И вѣченъ этотъ визгъ изъ вытяжки окна.
Такъ былъ неотвратимъ и вѣченъ кустъ кропивы
И щель въ доскѣ, и желоба извивы,
И ящерицы умные глаза,
Глядѣвшіе изъ щели на Петра.

XVII.

Ужъ туча выслала дымокъ своихъ орудій,
Барашковое облачко. Душнѣй
Черемуха запахла. Стали люди
Медлительнѣй, дышала грудь тѣснѣй.
Плотнѣй, непроницаемѣе стѣны
Стояли грудами огромныхъ валуновъ;
Вскипалъ песокъ не пылью, всплескомъ пѣны—
Міръ спалъ всей тяжестью своихъ стихійныхъ сновъ.
Казалось, зноемъ черныхъ подземелій,
Гдѣ лава бьется въ каменныя щели,
Утомлена, измучена земля
И дышитъ медленно, колебля тополя.

XVIII.

Какъ будто глухо волочили цѣпи
Глубокаго, огромнаго руля,
Далекій громъ, должно быть, тамъ, гдѣ въ степи
Широко разлилась спокойная земля,
Зашевелился медленно и важно.
Трусливо пискнула малиновка въ кустахъ,
Пропѣлъ пѣтухъ охрипло и протяжно,
И что-то вздрогнуло на тихихъ облакахъ.
„Вы шли бъ домой, гроза застанетъ, баринъ!“
Сказалъ съ заваленки худой, понурый парень,
Всталъ, поднялъ полы, судрожно зѣвнулъ,
Доплелся до крыльца и сѣлъ на стулъ.

XIX.

„Ай ждешь на выписку?“ И сморщился отъ боли...
„Вотъ—смерти жду, да все нейдетъ, томитъ...
Два мѣсяца скулю, а то, смотри, и болѣ,
Не ѣмъ дни по три... Нянька говоритъ:
Отъ духу—духъ силенъ—не помираю,
И сладокъ харчъ, а то давно бы сгнилъ...
Я говорилъ женѣ—я васъ не объѣдаю,
Почто везешь, оставь... Я—говорилъ...“
Замолкъ, задумался, закрылъ глаза устало,
И только тонкая рука перебирала
Шнурокъ халата, и была рука,
Какъ у мощей, пергаментно-легка.

XX.

Казалось, онъ не слышалъ стоновъ, но спокойно,
Какъ будто самъ себѣ, пророчески сказалъ:
„Жена родитъ впервой?“ И выпрямился стройно
И волосы проборомъ разобралъ.
„Жалѣешь? Не жалѣй а ты, перемогнется!
Въ родахъ боль легкая, родитъ—хоть въ хороводъ...
Младенецъ, баютъ, съ раемъ разстается;
Хранитель-ангелъ не пускаетъ плодъ—
Онъ видитъ всѣ мученья и печали,
Которыя ему бѣсы наколдовали,
И молитъ душу онъ—живи и не грѣши—,
И жалко ангелу младенческой души.

XXI.

„Не твоего и не ея ума тутъ дѣло—
Тутъ съ ангелами мается Господь“.
И замолчалъ, согнулся, захрипѣло
Въ груди, закашлялся... „Алкаетъ смерти плоть!
Уйти бъ скорѣй, усталъ, тошнехонько... Заходитъ,
Смирнѣетъ сердце... А живу, живу...“
Петръ видѣлъ, какъ онъ всталъ и по стѣнѣ уходитъ
И спотыкается объ жесткую траву,
Но было сномъ и онъ, и марь, и громъ далекій...
Онъ слышалъ только крикъ безсильный, но высокій,
Ужасный, дикій крикъ, измучившій его
До боли, до безумія всего.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Былъ матовъ сумракъ воробьиной ночи,
Дрожали молніи, какъ крылья мотыльковъ,
Мильярдовъ мотыльковъ—то шире, то короче.
Въ саду былъ снѣжно-синь и мертвъ развалъ кустовъ
Кололись звонкія хрустальныя громады,
И падалъ острый и рокочущій хрусталь
Въ спиральные, литые сталью, спады,
И эхомъ низкая насторожалась даль.
Легко, просторно послѣ каждаго раската
Дышалось, точно новая разъята
Бывала хлябь, и дикая въ нее
Срывалась стремь воды, блестя, какъ лезвіе.

II.

Нѣтъ—это былъ турниръ невидимыхъ титановъ,
И водные мѣчи наотмашь и плашмя
Рубили мглистую кольчугу дымныхъ становъ,
И стекла звякали подъ гривою коня.
Гремѣли четкія литавры строго,
Гремѣла ржаво цѣпь подъемнаго моста,
Но грохотъ колесницъ, гортанный выкрикъ рога,
Сумятица подковъ, звонъ латъ, кольчугъ, щита,
Ревъ, визгъ, удары, лязгъ, рукоплесканья, крики—
Все обращалось въ гулъ, скрежещущій и дикій,
И, какъ въ синематографѣ, мигалъ
Арены сказочной метущійся овалъ.

III.

Составилъ лампу Петръ зачѣмъ-то на полъ,
Легъ на постель, застылъ, не шевелясь...
Дождь, просочившійся на гулкій стулъ, закапалъ
И на полъ жалобно вдругъ зазвенѣлъ струясь.
И эта тоненькая струйка почему-то
Была сквозь громъ отчетливо-слышна,
Какъ сказка здѣшняго, вчерашняго уюта,
Какъ мысли прежней скрытая волна.
Какъ было пусто въ комнатѣ и странно
Въ мельканьи молній, лампы и тумана,
Въ хрустально-рѣзкомъ грохотѣ громовъ—
Какъ будто не было ни кровли ни угловъ

IV.

И были брошены въ сверканье и удары
Кровать и стулъ, осколки бѣлыхъ стѣнъ...
Какъ будто жизнь—обманъ пустой и старый,
Какъ будто сказка—смѣна перемѣнъ,
Есть только синяя прозрачная стремнина,
Есть только боль тяжелыхъ первыхъ ранъ!
Іюнемъ выжжена апрѣльская долина,
Одинъ апрѣль долинѣ жизни данъ.
Испепеленную не возродить страницу,
Надъ тайной строкъ ея не омочить рѣсницу,
Какъ прежде, влагою правдивыхъ, жаркихъ слезъ—
Мертво благоуханье давнихъ грезъ.

V.

Онъ помнитъ, какъ ему сказали: „Мертвый... мальчикъ“,
И звука этихъ словъ ему не позабыть...
Вотъ—онъ повисъ, весь синій; каждый пальчикъ
И ножка каждая и ручка; вотъ—лежитъ
Комочкомъ маленькимъ... Да, маленькій комочекъ!
Тотъ самый... Онъ теперь на сердцѣ навсегда
У Кади, у него... Онъ вспомнилъ образочекъ
Тамъ, въ дѣтской, на кроваткѣ. Какъ тогда
Онъ вѣрилъ, что его избавитъ онъ отъ горя,
И говорила мать: „На сушѣ и на морѣ
Онъ будетъ надъ тобой невидимо сіять
И злыхъ духовъ сіяньемъ отгонять“.

VI.

Теперь надъ нимъ другой—нерадостный, колючій,
Съ лучами черными, и не избыть его.
Онъ ангеломъ его не осѣнитъ надъ кручей,
Но въ жерла темныхъ безднъ низринетъ глубоко.
Еще ничто, ничто не измѣнилось!
Ничто, что нѣтъ ея; ничто, что гулокъ громъ...
Еще правдивъ обманъ, что это все приснилось,
Что все пройдетъ съ недолгимъ, близкимъ сномъ.
Но сердце слишкомъ въ горѣ простодушно,
И обмануть не сможетъ такъ, какъ нужно:
Оно живетъ на много дней впередъ,
И глупый умъ его не проведетъ.

VII.

Но что-то раму дернуло, раскрыло...
Петръ всталъ, шатаясь подошелъ къ окну,
И рухнулъ громъ навстрѣчу съ новой силой,
Въ лицо метнулась молнія ему.
И хлынулъ вѣтеръ, лампу потушило,
Петра отбросило, и онъ упалъ опять...
Надъ нимъ вокругъ гремѣло и бурлило,
И вздрагивала старая кровать.
Подумалъ онъ: что тамъ теперь, въ больницѣ?
Она не спитъ, вокругъ чужія лица,
Гроза, удары и—одна... А за стѣной,
Быть можетъ, крикъ и стонъ другой больной.

VIII.

Заснулъ онъ тяжко, мучили кошмары.
Проснулся—снова громъ, и, сквозь его раскатъ,
Надъ ухомъ за стѣной и плясъ и звонъ гитары,
И хохотъ, Мань и Кать неистово визжатъ...
И кто-то дергаетъ его за плечи... Спичку
Зажегъ—Семенъ Семенычъ, пьянъ, едва стоитъ.
„Я къ вамъ... простите глупую привычку
Будить того, кто—очень просто—спитъ.
Уважьте—выпейте со мною коньячишку!
Никто не хочетъ... Разбудилъ мальчишку,
Петюшку этого—родитель запретилъ...
Вдругъ въ голову: а вы; пошелъ и разбудилъ...

IX.

„Вы не вставайте! Вы, того, лежите!
Онъ у меня съ собой, и рюмки есть...
Вы только что-нибудь воспламените
И чуть подвиньтесь къ стѣнкѣ, чтобы сѣсть.
Жена родитъ, мой другъ? Мнѣ говорили...
И шутъ съ ней, пусть! А мы—дитю спрыснемъ...“
Петръ выкинулъ его за дверь. „Ахъ, шутъ—разбили!
Вѣдь фин-шампань... Заплачено почемъ!“
Петръ вскинулъ на плечи пальто и вышелъ
Въ грозу на волю. Окрика не слышалъ:
„Куда, постойте!“ Онъ бѣжалъ туда,
Гдѣ Кадя, мальчикъ, гдѣ бѣда, бѣда...

X.

И до утра сидѣлъ онъ на ступеняхъ.
Прошла гроза, и свѣжъ былъ новый день,
И пахло ладаномъ сверкающей сирени,
И былъ въ алмазахъ сломанный плетень;
И звонъ монастыря былъ нѣжнымъ и пѣвучимъ,
Какъ будто изъ стекла литы колокола;
И уходили сгорбленныя тучи,
И даль къ холмамъ ихъ весело гнала...
Петръ спалъ, къ стеклянной двери прислонившись,
И воробьи слетались, удивившись,
И бѣгали и прыгали вокругъ,
Касаясь крылышками соскользнувшихъ рукъ.

Часть пятая.

Что это, другъ? Иль злая жизнь не даромъ,
Та жизнь—увы!—что въ насъ тогда текла,
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

Ѳ. Тютчевъ.

Часть пятая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Любовникъ давній твой, я неизмѣнно вѣренъ
Тебѣ, холодная, осенняя Москва!
Изъ вдумчивой глуши, гдѣ день мой равномѣренъ,
Гдѣ дремлетъ радостно усталая душа,
Гдѣ родственниковъ нѣтъ, гдѣ нѣтъ друзей, гдѣ мирно
Творится жизнь моя, съ природой заодно,
Гдѣ въ шумѣ хвой поетъ мнѣ голосъ клирный
О жизни чащъ и внятно и темно—
Изъ вдумчивой глуши, какъ гномъ, обросшій мохомъ,
Влекусь къ тебѣ, прощаясь тайнымъ вздохомъ
Съ моими ставнями—каймой зеленыхъ горъ—
И на сердцѣ лежитъ зимы грядущей соръ.

II.

Какъ горько видѣть вновь знакомыя селенья
И замѣчать порядокъ ихъ иной!
Еще недавно столько утѣшенья
Въ весенній путь онѣ вплетали мой,
И вотъ—уходятъ тамъ же все и тѣ же,
Все съ той же церковкой и тѣмъ же вѣтрякомъ,
И такъ же виснутъ голубыя мрежи
Надъ тихимъ, въ озеро упавшимъ, соснякомъ,
И такъ же говоришь:—здорово—и—прощайте—,
И такъ же звонко вслѣдъ кричитъ: „Эй, покупайте!
„Въ Торбѣевѣ моихъ пельменей нѣтъ!“
Бабища ражая, набравши въ ротъ монетъ.

III.

Поетъ о Божьемъ человѣкѣ Алексѣѣ
Подъ па-д-эспань гармоники слѣпецъ;
Корявыя морщинистыя шеи
И наклонившійся къ распутью голубецъ...
И съ горькой грустью смотришь на примѣты
Печально-строгой осени: стоятъ
Скирдами темными густыя нивы лѣта,
И ароматъ ихъ тягостенъ, какъ ядъ;—
Дымятся низкіе, суровые овины,
И вылежены, выбиты лощины,
И корневища вывернули пни,
Какъ злобные лѣсные пауки.

IV.

И все жъ люблю тебя, твой грохотъ тяжкій,
Твоихъ угрюмыхъ, озабоченныхъ людей.
Что жъ, какъ и мнѣ, и имъ ты не даешь поблажки,
Запутавъ каждаго звеномъ своихъ цѣпей.
Люблю просторъ и блескъ знакомыхъ магазиновъ
И толкотню, всегда насупленныхъ, пивныхъ
И солнечныхъ кофеенъ; всюду спины—
Воротники пальто съ фамильями портныхъ...
...Ко мнѣ на строчки сѣла бабочка ночная,
Такая неподвижная—макая
Въ чернила буквъ и ножки и усы,
Задумалась и... что ей до Москвы?

V.

Какія эти бабочки ночныя,
Богъ ихъ прости, чудныя! Днемъ кора
Ихъ стережетъ, проснутся и, сѣдые
Лунатики, летятъ незримо... На Петра
Похожи моего... Огня, огня имъ надо!
И упадутъ на столъ и смутно на столѣ
Сидятъ и думаютъ... Не вынести ихъ взгляда,
Такъ холоденъ и жутокъ онъ во мглѣ...
Какъ будто непосильная задача
Ихъ всѣхъ томитъ—въ воскрыльяхъ крылья пряча,
Вцѣпившись судорожно въ ткань скатерти, сидятъ...
Забыта ночь, а свѣтъ не понятъ, не объятъ!

VI.

И имъ летѣть, имъ жить уже не надо—
Понять, понять и безъ конца смотрѣть,
Какъ будто для того сошла для нихъ прохлада,
И ночь сошла... Понять и—умереть!
Но вотъ опомнились, иль поняли, и бьются
Въ огонь свѣчи и въ стекла лампъ, и вотъ—
Лежатъ убитыя... А тѣни ночи вьются,
И время ихъ безъ нихъ къ зарѣ течетъ.
Пусть такъ, но поняли; пусть такъ, но жили, жили
Не такъ, какъ ночь хотѣла, какъ рѣшили
За нихъ опредѣленные часы,
Хранящіе до солнца тайну мглы!

VII.

Дома съ квартирами—шкатулки несессеровъ—
Живутъ бокъ-о-бокъ и не знаютъ, кто и что...
На окнахъ среднихъ этажей портьеры,
На верхнихъ—сторы, нижнихъ—кое-что;
Въ подъѣздахъ карточки визитныя, на доскахъ
Графленыхъ темныя фамиліи жильцовъ,
Галоши съ буквами на вытиралкахъ жесткихъ,
Да письма на столѣ съ десяткомъ адресовъ;
По лѣстницѣ съ окошками-тѣнями
Смѣхъ, бѣготня дѣтей и гаммы за дверями,
Да чей-то окрикъ на прислугу: „Ты опять
Пересинила—все перестирать!“

VIII.

Квартирную хозяйку Агриппиной,
Какъ тетку, звали. Старая была,
Казалось—дунешь, и разсыпится... Ундиной
Она, какъ скаредъ, въ ванной комнатѣ жила.
Очки носила, хоть была глазами
Остра... Туфлями шаркая, въ чаду
Маячила на кухнѣ и, плевками
Отхаркиваясь, шлепала въ углу.
Варила на огромной керосинкѣ
Обѣды для жильцовъ и къ ножкамъ и грудинкѣ
Умѣла дѣлать соусъ митральёзъ,
А въ праздники и кашу бордапёсъ.

IX.

Въ угрюмой комнатѣ съ продавленнымъ диваномъ
И съ шифоньеркою, ходящей ходуномъ,
Съ гармоникой подъ окнами, съ цыганомъ
Въ сусальной рамкѣ, съ ломбернымъ столомъ,
Залитымъ сплошь чернилами—Петръ съ Кадей
Неслышно жили. Неуютъ, тоска
Нависли въ комнатѣ. Въ тяжеломъ, мертвомъ взглядѣ
Брандмауера изъ темнаго окна
Жилъ соглядатай, злобный и безстрастный,
Развязку торопилъ нетерпѣливо-властный,
И ночью въ каменной рѣшеткѣ, какъ зрачки,
Горѣли тусклые, багровые огни.

X.

Петръ переводами въ журналъ перебивался,
Въ газетѣ помѣщалъ грошевыя статьи,
Уныло по редакціямъ шатался
И задыхался тамъ въ двойной пыли—
Въ пыли политиковъ и предержащей власти.
Серьезныя дебаты главарей
И споры молодежи разной масти
Все дѣлались несноснѣй и скучнѣй.
Казалось странной ихъ ортодоксальность,
Знакомый маринадъ сквозилъ сквозь ихъ банальность...
Пророки-старики, Кропоткинъ и Толстой,
Одни влекли глубокой простотой...

XI.

Толкучка редакціонная, шатанье
Изъ этажа въ этажъ, изъ зала въ залъ,
Питье чаевъ, по канапэ валянье...
Экстракты сплетенъ скучно разводнялъ
Знакомый трюкъ знакомыхъ анекдотовъ...
Писалось, какъ заранѣ рѣшено
Редакторомъ... Словесныхъ антрекотовъ
И шнитцлей кухня—все наперчено,
Все смазано горчицей: ѣшь, читатель,
Скандаловъ, эксцентричностей искатель!
Авось разсудокъ засоренный твой пройметъ
Изъ пикулей и капорцевъ компотъ.

XII.

По улицамъ кипучимъ, площадями
Съ палатками торговцевъ мелочныхъ
Шелъ, стиснутый людьми и лошадями.
Кишѣла снѣдь за рамами двойныхъ
Блестящихъ стеколъ; вычурны и ярки
Сползали съ выставокъ обложки книгъ;
Сидѣли куклы; странныхъ пагодъ арки
Стояли изъ коробокъ; „Вѣнскій Шикъ“
Развернутъ былъ на узкихъ грустныхъ дамахъ;
Невѣроятные ботинки; въ гладкихъ рамахъ
Портреты завитыхъ испуганныхъ дѣтей...
Ахъ, снова бабочка—привѣтъ глухихъ ночей!

XIII.

Она меня преслѣдуетъ... Что жъ нужно
Тебѣ, мой сѣренькій пріятель, отъ меня?
Иль для тебя легенда городъ душный,
Похожая на ободокъ огня?
Тебѣ—огонь твой, мнѣ—мой городъ зимній
Равно убійственны и чужды намъ равно!..
И встрѣтиться когда-нибудь, скажи мнѣ,
Въ ночномъ лѣсу съ тобой намъ суждено?
Увидишь ты меня—я не увижу,
И будешь ты летать все ближе-ближе,
И наконецъ сморгнешь своимъ крыломъ
Мою слезу, Богъ вѣдаетъ—о чемъ.

XIV.

Петръ приходилъ домой усталый, раздраженный,
И въ комнатѣ ея не заставалъ,
И въ полу-мглѣ, подъ грохотъ монотонный
Глубокой улицы, холодный супъ глоталъ;
Ложился на диванъ и слышалъ смутно:
„Ты здѣсь? Вернулся... Лампу-бы зажегъ!“
И было встать томительно и трудно...
И вспыхивалъ качаясь огонекъ—
Она—въ знакомой кофточкѣ, въ знакомой
Широкой шляпѣ: „Что жъ, вотъ я и дома!..
Спроси, гдѣ я была! Не интересно, нѣтъ?
...Нѣтъ, почему жъ... Я знаю твой отвѣтъ!“

XV.

„Ахъ, Боже мой, тоска—тоска до отвращенья,
До отвращенья, слышишь ты, тоска!..
Пить чай? Тянуть жидель... И—безъ варенья...
Смотри, какъ высохла костлявая рука!
Была я, знаешь, гдѣ? У тетки, да—у тетки...
Нечайно встрѣтились, и зазвала къ себѣ...
Какъ радъ былъ Валька! Новость—нѣтъ трещетки,
Несносной Рикэ... Костенька помре,
И глупо: гдѣ-то въ Стрѣльнѣ или въ Ярѣ...
А тетка говоритъ, какъ объ ударѣ,
Ее постигшемъ... Для чего я говорю
Все это? Боже мой, не знаю... Мухъ морю!

XVI.

„Осунулась и постарѣла тетка...
Все ныла, что ушла; старалась убѣдить,
Что любитъ насъ, что у нея чахотка;
Звала къ себѣ, пришли-бы навѣстить...
Такая жалкая, и все и всѣ тамъ жалки!
Ослѣпла Капка, стала мнѣ лизать
Ладонь, узнала... Мертвыя фіалки
Нашла я на столѣ—ты помнишь, собирать
Ходили мы весной?.. Хотѣла взять ихъ,
Но думала: пусть спятъ у прошлаго въ объятьяхъ,
И если оторвать отъ прошлаго день-два,
Что у него останется тогда?

XVII.

„Какой здѣсь чадъ! Открой окно—мнѣ душно!“
И звонъ и грохотъ улицы возникъ
Въ прорѣзъ двора... Плелись лошадки дружно,
Какъ заведенныя, шли люди, и тупикъ
Глядѣлъ изъ-за угла брандмауера трусливымъ,
Глубокимъ огонькомъ... Алѣлъ еще закатъ
На колокольнѣ зайчикомъ пугливымъ,
И колоколъ звонилъ, унылъ и гнусоватъ.
Въ воротахъ собрались кухарки; гдѣ-то сбоку
Печально прачки пѣли, и жестоко
Вдругъ обрывала тихую печаль
Захватанная дверь трактира „Трансвааль“.

XVIII.

Дышалось трудно липкимъ воздухомъ угара,
И бисеръ-дождь, сквозясь, не освѣжалъ,
Тянуло на скамеечку бульвара,
Гдѣ волглый листъ, еще дрожа, шуршалъ.
А Кадя подошла; взявъ руки, сѣла рядомъ:
„Какъ рѣдко видимся мы, милый!... Почему?...
И—почему-то все равно!.. И взглядомъ
Скользнешь по твоему знакомому лицу,
И не узнаешь въ немъ ни чуточки, не спросишь,
Что у тебя... И въ сердце не уносишь
Ни боли, ни загадки уходя;
Не думаешь, какъ прежде,—я твоя.

XIX.

„И, гдѣ живу, я даже забываю
Въ гостяхъ, въ концертѣ... Какъ во снѣ иду
Сквозь улицы и дверь знакомую толкаю
И въ нашу комнату безтрепетно вхожу.
Петръ, ничего, что такъ? Такъ хорошо?!.. Но кто ты?
И почему ты—Петръ, и почему ты—мой?
И почему я здѣсь?.. И нѣтъ во мнѣ заботы,
Здоровъ ли и тянуло ли домой!
Не хочется, не надо приласкаться,
А надо все въ какой-то уголъ жаться,
Чтобъ ты не видѣлъ, чтобъ была одна,
И снова перемучиться до дна.

XX.

„Петръ, будь волшебникомъ, верни мнѣ счастье—
Ту сказочную жизнь, которой я жила!
Мой старый домъ такъ близокъ темной пастью,
Такъ близко я къ нему нечайно подошла...
Мнѣ хочется... Я разскажу! Ты знаешь,
Чего мнѣ хочется?... Въ нелѣпый рамсъ играть,
Вязать не конченное одѣяло... Ты скучаешь?
Нѣтъ—не скучай! Скучала развѣ мать?
Она все плакала, сошла съ ума... Бывало,
Возьметъ, начнетъ щипать и все шептала:
— Реви! Что жъ не ревешь? Реви,
И будутъ слезы у тебя, мои!—

XXI.

„Что жъ ты молчишь? Ты такъ молчать и будешь?
Молчать, какъ кереметь, до смертнаго конца?
Что мнѣ съ того, что про себя ты нудишь,
И съ постной маской деревяннаго лица
Стоишь, сидишь, уйдешь, придешь и ляжешь?
Заточникомъ какимъ-то на кровать!
Когда жъ ты узелъ темный свой развяжешь?
И что мнѣ нужно сдѣлать? Разорвать
Себѣ—да и давно пора бы—глотку,
Иль притащить, глушить передъ тобою водку?...
Мнѣ думается, даже и тогда
Молчаньемъ увѣнчаешь, какъ всегда".

XXII.

— Иди туда!—„Куда туда?..." —Ты знаешь,
Куда.—„Ахъ, вотъ что!.. Здравствуй, мой конецъ!
Ты шутишь, Петръ? Нѣтъ—шутокъ ты не понимаешь,
Хоть пошутилъ... Такъ вотъ онъ—нашъ ларецъ!
Въ дарохранилищѣ была лишь злая шутка!
Къ чему жъ была вся эта канитель?
Какъ въ русской сказкѣ только прибаутка?
Какъ на рѣкѣ—не берегъ, только мель?
Ты шутишь, Петръ? Вгляни, куда идти мнѣ?
Иль все равно потухнутъ въ свѣтломъ гимнѣ
Міротворенія и жизнь моя, и я
И радость міра выше безъ меня?

XXIII.

„Куда идти? Пойми, мудрецъ, распяливъ
Слѣпые въ бѣльмахъ мудрости глаза!
Выходитъ такъ, какъ будто, опечаливъ,
Не знаешь, чѣмъ утѣшить и туда,
Откуда выманилъ, какъ къ нянькѣ отсылаешь!
Пойми, что то, что было для тебя
Лишь неудавшейся посылкой, что бросаешь,
Какъ астрологъ, обманутый, скорбя
Бросалъ завѣтную реторту, что постыло
Тебѣ теперь,—моею жизнью было,
Конецъ твоихъ исканій—мой конецъ!..
Въ живой сосудъ вливалъ ты свой свинецъ!

XXIV.

„Пойми—ты вышвырнешь теперь калѣку
Туда, гдѣ сильная не выдержала я,
И развѣ жалости нѣтъ больше человѣку,
Который скомканъ жизнью проходя?
И, если жизнь казнитъ, пусть добиваетъ каждый?—
Должно быть, такъ по правиламъ твоимъ...
Но человѣкъ твой встрѣтитъ не однажды
Такихъ, какъ я, и что жъ?—какъ херувимъ,
Онъ будетъ ихъ казнить и улыбаться?
И кровью крылышки запачкавъ, можетъ статься,
Онъ къ Богу воззоветъ—пусть чудо сотворитъ,
И въѣвшуюся кровь въ стеклярусъ претворитъ...“

XXV.

И Петръ отвѣтилъ тихо и глубоко:
—Такъ жить, какъ мы живемъ, я больше не могу,
И новый день встрѣчать уже жестоко!
Мнѣ надо все и всѣхъ, а не тебя одну,
Тебя одну, ушедшую далеко...
Вѣдь ты сама живешь уже другимъ,
Вѣдь ты сама мечтаешь одиноко
О томъ, что создано давно былымъ твоимъ...
И у тебя не удалась попытка,
И для тебя нашъ міръ разбитый—пытка,
И оттого мечтаешь отдохнуть
Тамъ, въ тихой заводи, гдѣ начинался путь.

XXVI.

—И ты права—тебя онъ встрѣтитъ лаской,
Твой старый домъ; теперь онъ сирота;
И прежняя тоска забрезжитъ тихой сказкой—
Ты вѣдь его теперь, ты вѣдь теперь не та...
Ты вся изранена—нѣтъ ранамъ исцѣленья,
Познанья ранамъ, но въ нихъ смерти нѣтъ:
Въ нихъ жизни медленное, вдумчивое тлѣнье,
Имъ надобенъ съ половичками лазаретъ,
Имъ надобны часы безъ ожиданья,
Ритмически-размѣрнаго мельканья
Прозрачныхъ, вывѣтренныхъ тщательно минутъ—
И трудъ, какой-нибудь знакомо-легкій трудъ...

XXVII.

— Повѣрь, что въ теткѣ встрѣтишь ты подругу,
А ужъ не тетку... Чѣмъ ей заѣдать
Тебя теперь—на это есть прислуга!..
И будетъ ей что разсказать, узнать,
Сравнить, повѣдать старые секреты...
Вѣдь у нея былъ тоже переломъ,
И много было струнъ мечтательно задѣто,
И много ранъ нанесено въ быломъ...
И встрѣтишь ты ее ужъ не сухой каргою,
Но чуть мечтательной, со странной глубиною
Не даромъ давшихся, но вымученныхъ словъ,
Въ которыхъ тайный міръ загадоченъ и новъ...

XXVIII.

— Кому изъ насъ разстаться тяжелѣе,
Спроси всѣ комнаты, въ которыхъ жили мы,
Спроси всѣ сосны, тропки и аллеи,
У звона дня и у шептаній тьмы!
Ты будешь жить теперешнимъ страданьемъ
И будешь мудрости учиться у него,
И будетъ каждый день обвитъ воспоминаньемъ,
Какъ святцами, и, если ничего
Не позабудетъ сердце до могилы,
Воспоминанья горя станутъ милы...
А если встрѣтится когда-нибудь другой,
Ты горько будешь сравнивать со мной!

XXIX.

— Нѣтъ, все не то я говорю!.. Не слушай!
Измучался ли, слишкомъ ли люблю,
Но всѣ мои слова моихъ страданій глуше
И все не то, не то, не то я говорю...
...А у меня не будетъ ни уюта,
Ни тетки, ни спокойно-ровныхъ дней,
И будетъ двойственною каждая минута:
Моя дѣйствительность и ты, и ты надъ ней.
Но я беру у жизни тяжкій жребій—
Какъ птица, заблудившаяся въ небѣ,
Я буду одинокъ, но взлета моего
Не промѣняю, скорбный, ни на что!

XXX.

— Найду я въ человѣкѣ человѣка,
Не надолго, быть можетъ... Припаду
Къ ребенку, къ полумертвому калѣкѣ,
И маленькій костеръ изъ мукъ ихъ разложу..
И съ ними мы найдемъ невидимое счастье,
Невидимую радость бытія,
Которое, какъ солнце сквозь ненастье,
Маячитъ, въ повседневности горя.
Уйду въ озлобленныя, темныя деревни,
Гдѣ Саваоѳъ еще владычетъ древній,
И сгину тамъ среди сердецъ простыхъ,
Средь глазъ восторженныхъ, какъ небо голубыхъ... —

XXXI.

Вошла хозяйка съ Дюдькой неизмѣнной,
Линючей кошкой на засученныхъ рукахъ,
И прислонилась къ притолкѣ смиренно,
И слизывала сало на щекахъ
Мурлыча кошка... И тянуло чадомъ
И пригарью изъ коридора... „Къ вамъ
Какая-то мадамъ!“ И пронизала взглядомъ
И Кадю и Петра... „Онѣ остались тамъ—
Въ передней... Проводить ихъ?“—Проводите!—
И ужъ изъ чадной тьмы тянулись нити
Знакомыхъ запаховъ, казалось, и шаги
Знакомы быстры были и легки.

XXXII.

„Ахъ, оба дома! Вотъ не ожидала...
Петюша, милый... Нѣтъ, онъ все такой,
Какъ раньше! А ужъ Кадя насказала:
И похудѣлъ, и постарѣлъ... Ну—бородой
Обросъ и—только! Вышло очень мило.
Ну, какъ литература, какъ дѣла?
Ахъ, не забыть, полъ Пелагея мыла
Тамъ, на верху, и галстухъ твой нашла...
Вотъ—пріѣзжай, и самъ возьмешь, и будетъ
Пріѣхать случай... Кхо! я вся въ простудѣ...
У васъ тепло, а у меня несетъ,
Какъ въ рѣшето—чини хоть каждый годъ!“

XXXIII.

—Куда ты, Петръ?—„Я, можетъ, помѣшала?
Ты, Петя, не сердись—я вѣдь сейчасъ уйду...“
Заторопилась тетка. Подбѣжала,
Схватила Кадя за рукавъ, къ плечу
Прижалась, зашептала жарко: „Слушай!
„Послушай, Петръ—оставь ужъ для меня
Свои причуды, тетку пожалѣй!“ И глуше,
Какъ будто сердце самое тѣсня,
Сказала вдругъ почти беззвучно:—Петя,
—Что жъ, заслужила я еще и этой плети?
Да, да! И это все! И это—ужъ конецъ?
Нѣтъ смѣлости отвѣтить? Трусъ, подлецъ!—

XXXIV.

...А надъ Москвой висѣлъ ужъ тяжкій, черный
Сгущенный чадъ—ночь встала надъ Москвой.
Автомобилей каркали волторны,
И слышенъ былъ трамвая близкій вой.
Слѣпыя окна подозрительно щитами
Закрылись отъ прохожихъ; рысаки
Летѣли, грязь кидая вѣерами;
Трещали полицейскіе свистки...
И кто-то пьяный, грустный, одинокій,
На тумбѣ скорчившись—хоть близкій, но далекій
За мутной мглой глухого тупика—,
Пѣлъ, пѣлъ безъ словъ,—ихъ отняла тоска.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Нѣтъ—ночь Москвы страшнѣе ночи лѣса!
Какъ звѣри спящіе, лежатъ вокругъ дома,
И съ улицы отъ нихъ лишь легкая завѣса—
Блестящей проволоки рѣдкая тесьма.
Касаешься ихъ лапъ протянутыхъ—подъѣздовъ,
И крыльевъ сложенныхъ—съ сѣкирами оградъ,
И дышитъ пасть двора, и—страшныхъ птицъ нашесты—
Лѣса, таинственно забитые, торчатъ.
Бѣгутъ таинственные сгорбленные люди,
И въ сизомъ ресторанѣ на посудѣ
Лежатъ пещерками салфетки, и въ окнѣ
Офиціантъ брелокъ качаетъ на рукѣ.

II.

И сколько горечи въ лицѣ официанта,
И сколько горечи въ названьи „человѣкъ!“
Вотъ онъ одинъ передъ лицомъ гиганта,
Во чревѣ страшнаго чудовища навѣкъ.
Онъ высосанъ, обглоданъ вурдалакомъ;
Съ прической, съ миною лица и сюртукомъ
Онъ слитъ, какъ Редереръ съ его товарнымъ знакомъ,
Онъ выбитъ, какъ деньга съ рѣшеткой и орломъ.
И только ночью на окнѣ, играя
Брелокомъ, что-то силится страдая
Перемѣнить въ застынувшихъ глазахъ,
И тускло въ нихъ перебѣгаетъ страхъ.

III.

Изъ-за угла метнувшись, пронесется
Безумное тра-та-та-та, трар-та,
И скомканная тѣнь на камняхъ оборвется,
И—снова каменная злая пустота.
И женщина съ парижскаго Монмартра—
Ночная бабочка у круга фонаря,
И шепотъ двухъ влюбленныхъ: завтра, завтра...
Надъ ними поднято сверканье лезвія
Неумолимой черной гильотины:
Ей—ужасъ смятой утренней перины;
Имъ—пыль конторки, свистъ веретена
И чахлый день за рамами окна.

IV.

Петръ долго шелъ по улицамъ вертлявымъ,
По узкимъ переулкамъ, площадямъ,
Мостамъ и перепрыгивалъ канавы,
И въ подворотняхъ хлюпалъ по ручьямъ
Лилъ дождь осенній—мелкій и колючій,
Плевалъ въ лицо, стекалъ за воротникъ
И вдругъ переставалъ... Очерчивались тучи,
И мѣсяцъ тонкій въ ихъ лохмотьяхъ никъ...
Петръ вдругъ узналъ знакомую дорогу,
И присмотрясь, увидѣлъ понемногу
Столбы заставы, церкви-близнецы
И полосу кладбищенской стѣны.

V.

Горбатыми дорожками, съ сіяньемъ
Въ листвѣ унылыхъ красненькихъ лампадъ,
Онъ шелъ, и каждый шагъ безмѣрнымъ былъ страданьемъ,
Онъ отдыхалъ у маленькихъ оградъ
И слушалъ шумъ деревьевъ и далекихъ,
Бѣгущихъ по мосту, серьезныхъ поѣздовъ;
И ныли ноги въ сапогахъ высокихъ;
И тьма казалась пылью огоньковъ...
Вставалъ опять и дальше шелъ устало,
И горьковато листьями дышала
И тосковала осень, и песокъ
Хрустѣлъ, на что-то жалуясь, у ногъ...

VI.

Ахъ, осень, на весну ты такъ похожа:
И дождь и грусть тяжелыхъ облаковъ...
И только двойника ты возмужало-строже,
Осенняя тоска познала гнетъ тисковъ.
Но обѣ вы безжалостны до время:
Ты—къ будущему, къ прошлому—она;
Ты гонишь свой покой, свой снѣгъ, какъ бремя,
Какъ смерть, которая тебѣ еще страшна;
Она свои снѣга досадливо торопитъ,
Какъ цѣпи отрочества, и въ потокахъ топитъ...
Хотя тебѣ они назначены въ удѣлъ,
А ей—архивъ давно рѣшенныхъ дѣлъ!

VII.

Подростокъ-дѣвушка со старой дѣвой близки:
Сантиментальны обѣ до конца,
У нихъ обѣихъ реверансы низки,
У нихъ обѣихъ сувенировъ тьма.
И кто смѣшнѣй изъ нихъ, кто жалче, трудно
Рѣшить, но будущее знаетъ напередъ,
Что ждетъ его со старой дѣвой нудно,
Что съ дѣвушкой его красиво ждетъ.
Еще день-два: весна благоухаетъ
Цвѣтами нѣжными, вѣтвями помоваетъ,
А осень, какъ вода лѣсного родника,
Прозрачно стынетъ, холодно звонка.

VIII.

И Петръ нашелъ въ кустахъ свою могилу,
Прильнулъ съ зажженной спичкой—да, она:
Обломанныя свиснули перила,
И столбикъ-аналой святыя письмена:
„Блаженни страждущіе“ скрылъ подъ паутиной
И листьями... И, жутко наступивъ
На бугорокъ подъ старою рябиной,
Петръ вспоминалъ двойной, далекій миѳъ.
И, новый Агасферъ, поникъ подъ ношей горькой
Забытыхъ лѣтъ и вглядывался зорко
Въ страданье каждое въ клубкѣ сплетенныхъ дней
И не нашелъ ужаснѣй и темнѣй.

IX.

Тамъ—въ прошломъ—не было страданій затаенныхъ,
Тамъ было вынесено на поверхность все,
И, буднями глухими оскверненныхъ,
Несложныхъ мукъ тупилось остріе.
Пикетъ да водка, да чубукъ тяжелый,
Да два-три собутыльника, халатъ
И Лютня между ногъ, и черепъ голый
Въ скуфейкѣ... Все вошло, все стиснулось въ укладъ!
И хоть онъ самъ былъ чуждъ въ душѣ укладу
И мать, потомъ жена, кричали „Нѣтъ съ нимъ сладу!“
И нигилистомъ былъ онъ окрещенъ—
Однако былъ и онъ, какъ всѣ, порабощенъ.

X.

Порабощенъ, по крайней мѣрѣ, съ виду,
И если онъ небрежно разбивалъ
Подъ ахи родственниковъ нѣжную Киприду,
Подарокъ князя Т., и если пышный балъ
Онъ разгонялъ суровымъ сквернословьемъ
И карманьолу, вмѣсто гимна, пѣлъ,
И вольнодумствовалъ—онъ былъ прикрытъ сословьемъ,
И самъ князь Т. все потушить умѣлъ.
И было такъ, какъ будто карманьола
И сквернословіе приправой были, школой
Россійскаго дворянства, потому
Что прикрывали и насиліе и тьму.

XI.

Когда бы Петръ учился не въ пріютѣ,
Въ иной средѣ, съ учителемъ инымъ,
Иной наукѣ и житейской сути—
Отечества бъ онъ понялъ сладкій дымъ.
И бунтъ его оставилъ бы Киприду
Сіять слѣпымъ, склонившимся лицомъ,
Презрѣнье претворилось бы въ обиду,
И широко взглянулъ бы онъ кругомъ,
Подальше предводителя и бредней
О томъ, о семъ, и былъ бы не послѣднимъ
И смѣлостью и пламеннымъ умомъ
За волю и за родину бойцомъ.

XII.

Но думалъ Петръ о той, которая любила,
Но думалъ Петръ о близкомъ, о другомъ,
И палкой рылъ склонясь свою могилу,
Себя стараясь вспомнить старикомъ,
Любившимъ маленькую, нѣжную Людмилу—
Послѣдняго ребенка... Какъ она
Его по садику заботливо водила,
Про каждую букашку и звѣрка
Разсказывала, тихо улыбаясь,
И переспрашивалъ ее онъ увлекаясь,
И передъ смертью дѣвочка ему
Снимала съ глазъ слѣпую пелену.

XIII.

И онъ ужъ чувствовалъ, какъ близко дуновенье
Невѣдомыхъ, сіяющихъ міровъ,
И съ сердца ржавыя спадали тихо звенья,
Какъ въ сказкѣ у Iohann'a, и, суровъ,
Онъ часто плакалъ въ старомъ кабинетѣ,
И слезы поскорѣй смущенно вытиралъ,
Когда на гулкомъ, радостномъ паркетѣ
Знакомую походку различалъ...
Она въ послѣдній день до утра просидѣла,
И у нея на ручкѣ холодѣла
Его морщинистая желтая рука...
Она ему закрыла и глаза.

XIV.

И вотъ она теперь здѣсь, подъ травою, рядомъ,
А онъ надъ ней... О, ноша долгихъ лѣтъ,
Не взятая подъ спудъ бѣсовскимъ адомъ!
Тебѣ, мертвецъ, успокоенья нѣтъ!
Не потому ль не заросла донынѣ
Могила старая, не потому ль на ней
Еще лежитъ комками липко глина,
И дернъ не вросъ болячками корней?
И бросила луна свой острый лучъ, и мальчикъ
Вскочилъ на дернъ, и загрозился пальчикъ:
—Ты ошибаешься, мой крестникъ! Константинъ—
Твой внукъ, твоей могилы властелинъ!

XV.

„Но—захоти—и я его подвину,
И тотчасъ будетъ мѣсто для тебя,
И ляжете вы съ Костенькой по чину—
Подъ аналойчикъ ты, а онъ согнетъ себя
Въ твоихъ ногахъ. И будетъ вамъ не скучно—
Какой-нибудь забавный анекдотъ
Разскажете другъ другу... Все что нужно!
И Chemin de fer васъ ночью развлечетъ,
Потомъ потузите другъ друга, проигравшись,
Хвать—ночь прошла, а день, едва начавшись,
Мелькнетъ еще быстрѣй, здѣсь вѣдь всегда народъ...
Да, впрочемъ, самъ узналъ изъ года въ годъ.

XVI.

„Постой, куда? Еще, мертвецъ, два слова!..“
Знакомый брилліантъ блеснулъ въ лунѣ,
И мальчикъ подбѣжалъ, и лунный отблескъ снова
Запутался въ искомканной травѣ.
„Вотъ—камень твой! Тебѣ онъ пригодится,
Онъ—смерть твоя, онъ—дастъ тебѣ покой,
Когда въ скитаньяхъ тѣло утомится,
Когда уставъ взыскуешь ты другой
Обители, подальше отъ тревоги...
Разбей его о камень при дорогѣ,
И я тебя заботливо снесу
На кладбище и въ гробикъ положу.

XVII.

„Не хочешь? Не раскаяться бы, крестникъ!
Шесть лѣтъ прошло, и первыхъ лучшихъ лѣтъ!
И что изъ нихъ ты вымучилъ, кудесникъ,
И гдѣ въ людскихъ тропахъ твой четкій слѣдъ?
Гдѣ, Петръ, твоя возлюбленная? Раемъ
Ее, должно быть, ты счастливо окружилъ,
А самъ ушелъ, желаніемъ сгорая,
Втереть тотъ рай другихъ, которымъ станешь милъ?
Тебѣ ужасно нравятся, должно быть,
Селеній райскихъ варево и копоть,
Что ты бѣжишь, ее оставивъ тамъ,
Дѣлить восторгъ съ помойкой пополамъ?

XVIII.

„А ты, самъ ты? Чего ты ищешь? Донца!..
Земля, изъ края въ край, населена людьми
И обтекается однимъ и тѣмъ же солнцемъ,
И омывается водой одной бадьи!
Ты дно давно досталъ, внимательныя руки
Вонзивъ до отвращенья глубоко,
И въ собственныя ноющія муки,
И въ души тѣхъ, кому не повезло,
И въ души тѣхъ, кто буднями пресыщенъ,
Кто пошлостью и гнусностью насыщенъ...
И гдѣ же тѣ, кого алкаешь ты!
Они вѣдь здѣсь, они вѣдь—мертвецы!

XIX.

„Уходишь по измызганной дорогѣ
И хочешь неизмызганной души!
Что жъ, шествуй, если не устанутъ ноги,
И ладаномъ своимъ свой темный путь души!
Намъ—все равно: залогъ у насъ въ карманѣ,
И если взвоютъ черти по тебѣ—
Ихъ дѣло, думали бъ, какъ слѣдуетъ, заранѣ
И о тебѣ и о твоей судьбѣ!
Прощай и помни лунную загадку—
Меня и брилліантъ, и заведи тетрадку,
И заноси въ тетрадку по графамъ
Всѣ донца, приближающія къ днамъ!“

XX.

Исчезъ въ травѣ... И зашумѣли сосны,
Печальныя въ тоскливомъ сентябрѣ:
„Уходимъ ждать сверкающія весны
Въ мятель зимы, въ морозномъ серебрѣ...
Печально съ нѣжною подругой разставанье—
Съ листвой: она летитъ, она уже мертва,
И голыхъ вѣтокъ жуткое киванье,
Грустя безмолвно, слушаетъ трава.
Придетъ весна, и листья будутъ прахомъ,
Ударитъ солнце животворнымъ взмахомъ
Багроваго широкаго луча,
И только мы откликнемся: „Пора!“

XXI.

„Но листьевъ тлѣнъ къ нетлѣнному подножью
Приникнетъ для питанія корней,
И загорятся вновь по бездорожью
Извилины увѣренныхъ путей.
Прощай, на отдыхъ бѣлый мы уходимъ,
Но и въ снѣгу и подъ корою льда
Тебя, шумя задумчиво, проводимъ
И будемъ ждать, когда придешь сюда...
Разскажемъ по веснѣ вздыхающимъ березамъ,
Куда унесъ къ нимъ падавшія слезы,
И что не позабудешь никогда
Весной подъ ними вмятаго слѣда“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Русь темная!.. Бываютъ на закатѣ
Видѣнья странныя. Я помню: шелъ въ лѣсу
И заблудился, кажется... Въ раскатѣ
Лѣсного шума слушалъ я одну
Томительную пѣсенку—скрипѣла
Осина старая: покорно, безъ конца,
И стонъ свой дотянуть, опомнившись, не смѣла,
И выпрямлялась, старчески дрожа,
Но снова наклонялась и стонала,
Какъ будто безучастно и устало
Разсказывала горе давнихъ лѣтъ,
Ему жъ сочувствія не надобно и нѣтъ.

II.

Скакали векши маленькія, дятлы,
Трещали пестрые и ржавые дрозды;
Рябинъ взъерошенныхъ свисали низко патлы;
Какъ будто изъ земли, прищуренно грибы
Выглядывали сквозь гнилые листья;
Лишайная, болотная земля,
По ней вьюна раскиданныя кисти,
Кукушкинъ ленъ и корневищъ змѣя...
Сырыя сумерки, какъ въ мертвенномъ подвалѣ;
Березки въ паутинѣ, какъ въ вуали—
Еще подростки тонкіе, но мохъ
Къ ихъ желтенькимъ стволамъ уже присохъ.

III.

Я долго шелъ, и линолеумъ темный
Облипшей листьями тоскующей земли
Казался мнѣ тропой обманчиво-укромной
Къ дорогѣ тамъ, на просѣкѣ—вдали;
Но отклонялъ поникшія, какъ руки,
Больныя вѣтви, обходилъ кусты
И различалъ уже дороги близкой звуки—
Но снова лѣсъ, скрипятъ-поютъ стволы...
И вдругъ—обрывъ, вдругъ—зарѣдѣли ели,
И капли на вѣтвяхъ заискрившись зардѣли,
И радостно сбѣжалъ я на откосъ,
Гдѣ папортникъ на красныхъ срывахъ росъ.

IV.

Горѣлъ межъ двухъ холмовъ, надъ балкою глубокой,
Великолѣпно-пламенный закатъ,
Какъ будто глетчеръ огненно-широкій—
Мгновенье—превратится въ водопадъ
И хлынетъ въ балкѣ огненною лавой,
И врѣжетъ буйно грани береговъ,
И ляжетъ розовыми гребнями кроваво,
Вдали и черенъ и суровъ...
И церковки надъ тихими холмами,
Съ пролетами и въ нихъ колоколами,
Ужъ темной кровью жутко налились
И поплыли въ огнѣ въ мечтательную высь.

V.

А въ балкѣ овцы блеяли, коровы
Звенѣли бубенцами, и пастухъ
Грустилъ жалейкой. Сумракомъ лиловымъ
Тянулся вечеръ; вздрогнулъ и потухъ
Осокорь; переплескивались тѣни
Все гуще, медленнѣй; ужъ сошники плуговъ
Не различались; быстрыя ступени
Охватывала мгла размахами круговъ,
И только церкви все еще сквозились
Кровавымъ свѣтомъ, все еще не слились
Съ тускнѣвшимъ теменемъ остынувшихъ холмовъ,
И пѣлъ въ нихъ рѣющихъ канонъ колоколовъ.

VI.

Русь тѐмная!.. Съ тобой отождествленный,
Мнѣ памятенъ мой сказочный закатъ.
Какъ будто ты была и балкой полусонной,
И мирнымъ ревомъ и блеяньемъ стадъ,
И жалобной жалейкой, и холмами,
И бѣлыми церквами по холмамъ,
И ты звонила ихъ колоколами,
И ты плыла въ нихъ тихо къ небесамъ,
И ты ждала кроваваго потока
На нивы мирныя зловѣще и жестоко,
И оттого, что ты ждала, закатъ
Такъ мощенъ былъ, такъ гнѣвомъ былъ чреватъ!

VII.

Быть можетъ, ждешь ты каждаго заката,
И каждый разъ ему не одолѣть
Долины червленѣющаго злата,
И листьевъ вечера, кровоточащихъ мѣдь.
Въ нихъ вѣчно мгла таится пауками,
И паутинъ невидимую ткань
Она мрачитъ мгновенными крылами
И мечетъ заколдованную грань.
Но, вѣрою сильна, ты ждешь отъ вѣка
Своей судьбы; рождая человѣка
Въ своей томительной холодной глубинѣ,
Ему нашептываешь: „Вѣрь, отдайся мнѣ!“

VIII.

И вѣритъ каждый, каждый отдается—
И ретроградъ, и революцьонеръ:
Одинъ бездѣйствуетъ, другой мететься...
Тотъ—рыцарь, тотъ—святой, тотъ—изувѣръ;
На висѣлицѣ, въ шахтахъ, казематахъ;
Въ подагрѣ, съ перепоя, подъ ножемъ;
Въ мундирахъ, клобукахъ и каторжныхъ халатахъ;
Съ сохой, съ перомъ, съ нагайкой, подъ ружьемъ;
То подлы, то ничтожны, то несчастны;
Безвластно властны, какъ рабы подвластны—
Всѣ заживо погребены въ тебѣ,
Въ твоихъ цѣпяхъ, позорѣ и судьбѣ!

IX.

И тяжело твое коснѣющее иго!..
И въ кабакахъ, въ увеселительныхъ садахъ
Поютъ съ эстрадъ про цѣпи и вериги—
Угаръ вина настоенъ на слезахъ...
И прокляты поля подъ желчнымъ плугомъ,
И прокляты станки гудящихъ мастерскихъ,
И проклятъ Богъ и брошенъ низкимъ слугамъ
И адски страшны лики у святыхъ...
Любовь красна томительной разлукой,
И трудъ уныньемъ, тяжестью и мукой;
И, какъ гармоника, какъ вихорь гопака,
Веселость русская безумна и дика.

X.

Но есть въ тебѣ великій свѣточъ вѣры,
Измученная родина моя;
Но есть въ тебѣ, сквозь буденъ сумракъ сѣрый,
Глубокой мудрости небесная струя.
Разсудкомъ разумъ твой не уничтоженъ,
И близокъ въ человѣкѣ человѣкъ—
Онъ ищетъ божества, и потому безбоженъ,
И вольнымъ духъ онъ сохранилъ навѣкъ,
И на кострахъ, въ пещерахъ одинокихъ
И въ искусахъ мучительно жестокихъ,
И—сквозь селенья—съ сумкой за спиной
Скользитъ надъ свѣтлой, мирной глубиной...

XI.

Петръ вышелъ съ кладбища безъ цѣли, безъ дороги...
Вставало солнце, мутное во мглѣ.
Въ размокшей глинѣ скользко вязли ноги...
Тянулся пригородъ въ туманѣ, какъ золѣ.
Дома проглядывали глухо и не смѣло,
Какъ будто были рыхлы, нежилы;
Въ колдобинахъ телѣга тарахтѣла,
И псы рычали, голодны и злы.
Малиновое солнце расплывалось
Пятномъ овальнымъ; по вѣтру качалось
На изгороди грязное тряпье;
Дымилось у путей досчатое жилье.

XII.

Считали арестантовъ у вагоновъ,
Потомъ ихъ повели на косогоръ—
Блеснули шашки, вскинулись вороны,
И покатились внизъ и черепки и соръ...
Взошли къ шоссе, захлюпали по лужамъ,
Зашелестѣли цѣпи. Погасилъ
Фонарикъ семафоръ, и по верблюжимъ
Шинелямъ дождикъ вдругъ заморосилъ,
Крупинками на шерсти повисая...
И кто-то крикнулъ, съ боку подбѣгая,
Въ толпу задорно: „Эй, не отставать!“
И рѣзкое упало слово—мать...

XIII.

Пошли поля съ унылыми жнивьями
И темною водой глубокихъ межъ;
Торчали острыми, безлистными вѣтвями
Осины придорожныя. Рубежъ
Лѣсовъ поникъ къ широкой, тусклой дали...
Но птицы пѣли, пѣли... Гдѣ?
Откуда!.. Облака съ улыбкой зажигали
Свои волокна солнцемъ. По водѣ
Вдругъ проносился свѣтъ неясной рябью,
И раскрывалось небо синей хлябью,
И переставшій дождь уже сверкалъ
На голыхъ, тонкихъ вѣткахъ, какъ коралл.

XIV.

„Курлы-курлы“, кричали съ неба въ тучи
Закинутыя нити журавлей;
„Блэнъ-блень“, шептали капли, и пѣвучій
И теплый вѣтеръ выбѣжалъ съ полей...
И—вышло солнце, нѣжно приласкало
Лицо Петра и весело зажгло
И грязь и воду... Свѣтлое припало
Къ больному сердцу, мягко разсвѣло
Въ душѣ поникшей, сумрачной и вялой,
Какъ будто кто-то дальній, запоздалый
Догналъ и обнялъ... Петръ остановился, снялъ
Фуражку, распахнулъ пальто и взялъ,

XV.

Въ пригорокъ кѣмъ-то воткнутую, палку,
И снова зашагалъ. Прощай! Иди одинъ,
Какъ странники—неспѣшно и вразвалку,
И згинь, какъ призракъ, въ маревѣ лощинъ!
Твои слова нечаянно, быть можетъ,
Прочту затерянными въ строчкахъ тайныхъ книгъ,
И образъ твой отчетливѣй и строже
Забрезжитъ снова, юноша-старикъ!
И къ соснамъ подойду—услышу въ шумѣ хвои,
Что ждутъ тебя онѣ, что скрыта въ ихъ покоѣ
Тревога о тебѣ; приникну—теплый стволъ
Отвѣтитъ мнѣ слезой прозрачныхъ смолъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЛОГЪ: Стр.

Глава первая.
Старый домъ 7
Глава вторая.
Привидѣніе. 11
Глава третья.
Дневникъ. 14

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

Глава первая.
Апрѣль. 19
Глава вторая.
Весенняя любовь 26
Глава третья.
Первое утро. 29

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

Глава первая.
Страстная пятница 37
Глава вторая.
Чужая дача. 45
Глава третья.
Въ лѣсу. 53

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ:

Глава первая.
Волга. 59
Глава вторая.
Подъ соснами. 67
Глава третья.
Крымъ. 72
Глава четвертая.
На хуторѣ. 76

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ:

Глава первая.
Уѣздный городъ. 85
Глава вторая.
Мертвый мальчикъ. 96
Глава третья.
Гроза. 103

ЧАСТЬ ПЯТАЯ:

Глава первая.
Разрывъ. 109
Глава вторая.
На кладбищѣ. 120
Глава третья.
Русь темная. 127

КНИГИ ЛЬВА ЗИЛОВА:

Стихи, кн. первая—М. 1908 г. Цѣна 65 к.

Стихотвореніе, кн. вторая—М. 1911 г. Книгоиздательства „Метели". Цѣна 70 к.

Дѣдъ, поэма—М. 1912 г. Книгоизд. „Метели". Цѣна 1 р. 75 к.

Разсказы, кн. первая (готовится къ печати).

Азбука про Юру съ Валей съ иллюстраціями С. Ягужинскаго (готовится къ печати).

BINDING SECT. AUG 17 1978

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3476
Z536D4

Zilov, Lev Nikolaevich
Died

97

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 03 20 03 021 3